

Дарья Донцова

Маскарад любовных утех

Дарья Аркадьевна Донцова
Маскарад любовных утех
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 38

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9001558

Маскарад любовных утех : роман / Дарья Донцова: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-78048-8

Аннотация

Не зря умные люди предостерегают: «Бойтесь своих желаний, они исполняются». На Новый год под бой курантов я написала на бумажке: «Хочу очутиться за городом как можно быстрее». Затем слопала клочок и запила шампанским... И – о чудо! – мы всем семейством перебрались в загородный коттедж. Только не довелось мне, Евлампии Романовой, долго радоваться, пришлось сразу же браться за... расследование убийства. Бедная Вера, она умерла по ошибке, отравить черничным пирогом намеревались... Неужели меня? За что? Почему? А ведь ядом в поселке с забавным названием «Крот» уже пользовались, тогда погибли несколько человек. Мне обязательно нужно во всем разобраться, а пока у меня появился шанс проявить свой актерский талант –

в детском садике, куда ходит моя приемная дочь Киса, мне предложили сыграть роль... слона!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	64
Глава 8	70
Глава 9	79
Глава 10	89
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дарья Донцова

Маскарад любовных утех

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

– Если у парня сорвало крышу, то он – человек-кабриолет...

Я оторвалась от большого картонного ящика, в котором безуспешно искала вилки, и посмотрела на произнесшую эту фразу женщину в заляпанном краской комбинезоне.

– Простите, Надя, что вы сказали?

– Машина без верха называется кабриолет, – объяснила она.

– Ты зачем сюда пришла? – нахмурившись, вмешалась Роза Леопольдовна. – Чтобы людям вещи раскладывать мешать?

– Нет, нет! – зачастила Надя. – Меня Николай прислал, просил у вас кое-что взять. Дайте, пожалуйста, побыстрее.

– Если вы скажете, что нужно вашему мужу, то я попытаюсь это найти, – вздохнула я, оглядывая несметное количество коробок, заполонивших комнату.

– Ну... такое... розовенькое такое, – принялась размахивать руками Надя, – круглое и квадратное... стоит в углу...

Я потрясла головой. Нечто розовенькое, причем одновременно круглое и квадратное, да еще способное стоять? Даже представить не могу, что это такое.

– Название скажи, – велела Краузе.

– Чье? – разинула рот Надя.

– Вещи, – уточнила няня Кисы.

– Какой? – заморгала Надежда.

– Той, за которой ты явилась, – объяснила я.

– Мне ничегошечки от вас не надо, – протянула Надя. – У нас все есть, машину покупать собрались. Правда, подержанную, на новую денег не собрали.

– Зачем тогда притопала? – начала закипать Роза Леопольдовна.

– Так Колька послал, – повторила Надя. – Ему потребовалось, не мне. По работе надо, не для себя. Ну... как же ее... простое слово, недлинное... апельсин и яд...

Я села на табуретку.

– Роза Леопольдовна, у нас есть фрукты?

– Дорогая Лампа, я не помню, что из еды привезли в новый дом, – заявила няня. – Извините, от переезда голова идет кругом. Если хотите, схожу в магазин при поселке.

– Не надо, – возразила я. – За фруктами прислали Надежду, они нужны Николаю. А вот что прораб имел в виду под ядом, непонятно.

Краузе подбоченилась.

– Совсем мужик обнаглел! Апельсинами его угощать тут никто не собирается. Надежда, возвращайся к мужу и четко передай: «По договору бригаде положены харчи на завтрак, обед и ужин. Вам их завезли на неделю. Черную икру, перепелиные яйца, шоколад и апельсины с ядом покупайте сами, хозяйка гастрономических изысков не обещала». Сего-

дня ему захотелось одних деликатесов, завтра он пожелает фуа-гра, а в пятницу потребует устриц! Что на меня уставилась? Ступай, не мешай разбирать вещи.

Я с благодарностью посмотрела на няню. Она умеет разговаривать со строителями, может твердо сказать прорабу «нет», а я, беседуя с ним, всякий раз мямлю, не умею выразить свои претензии.

– Чего-то я не поняла... – жалобно протянула Надя.

Роза Леопольдовна свела брови в одну линию.

– И в чем загвоздка?

– Колька не просил апельсинов, – заныла Надя.

Няня повернулась ко мне.

– Вы слышали, что Надежда минуту назад потребовала?

– Апельсины и яд, – подтвердила я.

– Я другое говорила, – возразила жена прораба, – надо розовое, круглое, квадратное. А название у того, чего Николай хочет, простое, не длинное и не короткое, вроде как апельсин или яд. Сами фрукты не нужны, у Коли на них аллергия с детства. И отравы-то зачем? Дайте поскорей, что мужу требуется, а то он заругается! У него в последнее время злобность характера развилась, чуть что, сразу орет бешеным крокодилом. Когда в загс пять лет назад шли, он ласковым был, а теперь крышу сорвало. Одно слово – человек-кабриолет.

Я потеряла ладонью висок, позавидовав нервной системе Николая. Похоже, нервы у него из железобетона, раз он прожил в браке не один год, прежде чем стал покрикивать на

супругу. Я познакомилась с Надей всего две недели назад, но уже успела превратиться, по ее терминологии, в мадам-кабриолет. Скажу честно: впервые в жизни встретила такую глупую, ничего не умеющую делать особу, как Надежда. Да Коле надо медаль за такое терпение выдать!

Краузе открыла одну из коробок, заглянула внутрь.

– Простите, Лампа, вы не помните, куда мы положили принадлежности для письма?

– Все где-то там, – пробормотала я, показывая на пирамиды коробок-близнецов.

Тут Надя вытащила из кармана заляпанного краской комбинезона фломастер и, улыбаясь, сказала:

– Во, забирайте. Навсегда! Мне не жалко.

– Спасибо, не надо, – отказалась от подарка Краузе и вручила малярше кусок картона. – Иди к супругу, пусть напишет, что ему требуется, и принеси нам его каракули. Поняла?

– Вы меня дурой считаете? – оскорбилась Надя.

– Просто слегка забывчивой, – смягчила я ситуацию. – Со всеми случается, и я часто забываю нужную информацию. С утра пыталась вспомнить, какой день недели на дворе, то ли четверг, то ли среда, но так и не сообразила.

– Сегодня вторник, – обронила Краузе.

– Не-а, понедельник, – заспорила Надя, – четырнадцатое февраля.

– Января, – поправила я. – Месяцы я не путаю.

– Все, Надежда, ступай в большой дом, – распорядилась

Роза Леопольдовна. – Да скажи Николаю, пусть в следующий раз с заданием присылает Веру.

– Моя сестра говорить не умеет, – надулась Надя. – Она инвалид, ее из жалости в бригаду европейской отделки квартир взяли.

– Зато ты слишком разговорчивая! – разозлилась Краузе. – Ну, чего стоишь? Видишь, сколько у нас работы? Ты тут незваная гостья, развлекать тебя светской беседой не собираемся!

– Сурово вы с ней, – вздохнула я, когда Надежда наконец удалилась.

Няня поморщилась.

– Стараюсь быть вежливой с людьми, однако встречаются бестолковые особы, которые, пока на них не рявкнешь, весь мозг выгрызут.

– Люди-кабриолеты, – усмехнулась я.

Роза Леопольдовна рассмеялась.

– Надежда круглая дура, но иногда оригинально высказывается. Пойду, попытаюсь отыскать кухонную утварь...

Краузе пошла к одной стене комнаты, я направилась к другой.

Вам интересно, почему все вещи оказались упакованы? Куда мы всей семьей перебрались? Сейчас объясню.

Год назад наши мопсик Фира и Муся неожиданно заболели. Всегда веселые собаки не носились по квартире, а лежали в разных углах гостиной, старательно нализывая лапы.

Я наивная, как бабочка, решила, что они повзрослели и начали заботиться о внешности. Но через неделю мопсик отказался от еды. Спешно вызванный ветеринар Паша с ходу поставил диагноз:

– У них аллергия на реагент, который льют на дороги.

– Читала в Интернете, что он безопасен, – возразила я.

Доктор хмыкнул:

– Приятно встретить человека, который верит информации, выловленной в Сети. Посмотрите на свои сапожки, вон у двери стоят. Что с ними случилось?

– Не знаю, – призналась я. – Купила новые ботильоны хорошего качества, из натуральной кожи, поносила всего неделю, а они скукожились, покрылись трещинами... Погодите, вы думаете, это произошло из-за гадости, которую на улицах разбрызгивают?

– Вот именно, – кивнул ветеринар. – У Фиры с Мусей воспалились лапы, а мопсик, пытаясь облегчить боль, нализался этой пакости и отравился.

– Но я всегда мою им лапки после прогулки.

– И хорошо делаете, иначе бы собачки вовсе ходить не смогли, – похвалил меня Павел. – Но вы же своих питомцев не кипятите, правда? А дорожная химия водой, даже теплой и с мылом, до конца не смывается.

– И что теперь делать? – занервничала я.

– Купите им тапки, – дал совет звериный доктор.

Следующий месяц мы с Максом пытались объяснить Фи-

ре и Мусе, что надо обуваться перед выходом на променады. Сначала я приобрела для них резиновые боты, потом угги, затем кроссовки на липучках. Но вредные мопсихи, едва их обували, замирали и не желали двигаться. А если я на руках выносила их на улицу, мигом падали на бок. Пришлось признать свое поражение.

Тогда я приобрела специальный крем, на упаковке которого была надпись: «Для упрямых животных, не желающих носить калоши. Оберегает от раздражения. Не токсичен. Не оставляет следов на полу. Не скользит». Фира и Муся спокойно разрешили обработать лапки и охотно побегали во дворе. Но дома, когда я начала мыть собачек, обнаружилось, что прекрасный крем никак не смывается.

Я опять взяла упаковку и увидела ранее не замеченную надпись, сделанную мелкими, размером с маковое зерно, буквами: «Снимается исключительно лосьоном “Анти-крем”». Решив немедленно сгонять в магазин за этим средством, я вышла из ванной и – упала. Роза Леопольдовна, увидев это, бросилась ко мне на помощь и тоже шлепнулась. Замечательное средство для псов сделало пол в квартире скользким катком! И оно, как и обещала реклама, оказалось весьма стойким. Мы с Краузе на протяжении двух дней драили плитку и паркет, прежде чем перестали передвигаться по квартире, держась за стены.

Через неделю после этого у Кисы начался кашель, который не проходил, несмотря на все принятые меры. Редька

с медом, сок алоэ, горчичники, шерстяные носки, сироп подорожника, мукалтин и прочие испытанные средства оказались бессильны.

– Ваш ребенок должен жить на свежем воздухе, – сказал педиатр, прописывая уколы, – иначе у девочки разовьется астма. Сейчас улицы поливают химией, она испаряется и оседает в легких.

– Ищем коттедж! – объявил Макс.

Остаток зимы, весну и лето мы катались по Подмоскovie в поисках подходящего дома. Многие наши приятели обзавелись загородной недвижимостью, и мы с Максом, наслушавшись их рассказов об ужасах, связанных с возведением особняков, твердо решили: приобретаем только готовое здание. Не станем тратить три-четыре года жизни на стройку, хотим переехать на природу уже осенью.

К октябрю нам с мужем стало понятно, что поиски подходящего коттеджа могут растянуться на десятилетия. И тут вдруг позвонила Капа, мать Макса, ничего не знавшая о наших планах:

– Лампуша, знакомая моих знакомых продает особняк неподалеку от Москвы. Просит за него недорого, потому что ей срочно нужны деньги. Если кто из твоих приятелей ищет загородное жилье, то лучшего варианта не найти. Поселок старый, небольшой, стоит в лесу, до МКАД десять минут на машине. Дом двухэтажный, участок огромный, есть гостевой коттедж, баня, гараж на две машины. Особняк прекрас-

но оборудован, продается вместе с мебелью и всем необходимым.

Мы заинтересовались предложением, приехали в поселок под названием «Крот» и поняли, что нашли дом своей мечты.

С владелицей недвижимости мы не встречались, знали только, что ее зовут Тамара Федоровна Николаева. Сделку от ее имени совершали адвокат и риелтор, которые выполнили все формальности мгновенно. Потом мы нашли бригаду ремонтников, договорились, что восьмого января они приступят к работе, и обложились мебельными каталогами. Кровати, столы, стулья, диваны, кресла, мебель для кухни, то есть все, полученное вместе с домом, было хорошего качества, но использовалось чужими людьми, а нам хотелось приобрести новую мебель по своему вкусу.

– Надеюсь уже в этом году нарядить елку во дворе тридцать первого декабря, – со вздохом сказала я Макс.

– Это обязательно сбудется, – улыбнулся муж.

– Через двенадцать месяцев, – грустно уточнила я.

– Мы переедем намного раньше, – начал утешать меня Макс, – в конце мая точно справим новоселье.

В полночь, когда били куранты, я быстро нацарапала на бумажке текст: «Хочу очутиться за городом как можно быстрее». Затем слопала клочок и запила шампанским.

Ох, не зря умные люди предостерегают: «Бойтесь своих желаний, они исполняются».

Глава 2

Десятого января я проснулась в своей квартире от оглушительного «ба-бабах», раздавшегося, как показалось, прямо у меня в постели. Через секунду с воплем: «Война началась! Окна в гостиной и кухне выбило!» – в спальню влетела Краузе.

Я испугалась, бросилась в общую комнату и поняла: случилась беда. Пол был усеян осколками, люстра лежала на паркете, натяжной потолок сорвало начисто, вдобавок по стенам текли реки воды. Я остолбенела. И тут раздался звонок в дверь, а потом понесся истошный вопль соседки Людмилы Ивановны:

– Лампа! Роза Леопольдовна! Спасайтесь, нас взрывают!

Мы с Краузе лихорадочно забежали по квартире, потом бросились на выход и по лестнице сбежали во двор. Няня держала на руках тепло одетую Кису, я крепко сжимала две перевозки, в которых сидели перепуганные Муся и Фира.

Вскоре примчались, воя сиренами, пожарные машины, несколько карет «Скорой помощи» и полиция. Жильцов отвели в расположенную поблизости школу и разместили в актовом зале.

Мы с Розой Леопольдовной посмотрели на соседей и поняли, что являемся самыми глупыми жильцами. Все присутствующие, покидая квартиры, закутались в дорогие шубы,

взяли сумки с едой, одеждой, документами, драгоценностями. А мы с Краузе прихватили только Кису, двух мопсов и пакет собачьего корма, а сами сбежали в чем были – я во фланелевой пижамке с изображением щенят разных пород, няня в кружевной ночной сорочке с пикантным вырезом. Хорошо хоть она догадалась тепло одеть Кису и накинуть на себя куртку. Я, правда, тоже влезла в пуховик, зато на ногах были домашние тапки в виде котят.

– Следовало паспорта захватить, – с запозданием догадалась Роза Леопольдовна.

– Не помню, где документы лежат, – пригорюнилась я, – то ли в моем секретере, то ли у Макса в кабинете.

– Похоже, соседи заблаговременно приготовились к любым катаклизмам, – резюмировала няня, осматривая окружающих. – У них явно стояли в прихожих заранее собранные тревожные чемоданчики. А я, лохушка, зачем-то сцапала с комода газету с кроссвордом и сунула ее в карман.

Через час стало известно, что гастарбайтеры, делавшие ремонт в квартире над нашей, решили самостоятельно, не обратившись в «Мосгаз», перенести в другой угол кухни плиту. Они производили сварку, что-то не так сделали, и – прогремел взрыв. По счастливой случайности обошлось без жертв, но четыре квартиры, включая нашу с Максом, оказались непригодны для проживания, а во всем доме отключили свет, газ и водопровод.

Сутки мы провели в школе, потом пожарные разрешили

зайти домой. К тому времени из Челябинска прилетел находившийся там в командировке Макс и радостно заявил:

– Все супер! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Переезжаем в гостевой домик на купленном участке. Места там полно, на первом этаже кухня-гостиная и еще одна комната, на втором три спальни. Лампудель, ты хотела нарядить елку в нашем особняке? Ура! Теперь ты это сделаешь! Справим Старый новый год за городом. Это здорово!

Я не нашлась, что сказать в ответ, а Макс развил бешеную активность.

Если мой муж берется за какое-то дело, то оно выполнится быстро и качественно. В районе пяти вечера в разрушенной квартире появилось много людей в комбинезонах с логотипом «Переезд с удовольствием», они начали живо записывать вещи в привезенные с собой картонные ящики. Я тоже занималась сборами – на каждую коробку методично наклеивала белую бумажку, написав на ней: «Кухонная утварь», «Обувь», «Белье» и так далее. Рабочие делали то же самое.

На следующий день утром мы уже были на своем участке. Я оглядела армию коробок и приуныла – разбирать их придется долго.

– Ерунда, – утешил меня муж, – глаза боятся, а руки делают. Поступим так: вы с Розой займетесь шмотками, а я поговорю с директором детского сада, который находится тут неподалеку.

К обеду Киса оказалась в группе. Милая заведующая детсада, учитывая наши обстоятельства, приняла девочку в виде исключения без медкарты.

– Я пообещал ей принести документы завтра, – объяснил мне Макс. – Найдешь их?

– Конечно, – заверила я супруга. – Коробки самым тщательным образом подписаны, отрою ту, на которой наклеена бумажка «Документы», и готово.

– Умница, – похвалил Макс. – Дела в агентстве идут наилучшим образом, я на работе возьму тайм-аут...

Договорить мужу не удалось – у него заработал телефон. И вскоре я поняла, что заниматься домашними делами он не сможет.

– Придется вам с Краузе вдвоем разбираться, – убрав трубку, сказал Макс. – Где моя дорожная сумка? И надо бы вещи кое-какие прихватить. Хотя... Ладно, куплю все на месте. А мой паспорт весьма удачно лежит в сейфе агентства. Все, я помчался. Сами ничего тяжелого не таскайте, зовите Николая, его рабочие что надо перенесут.

– Ты куда? – попыталась я узнать хоть малую толику информации.

– Помнишь дело Майи Плотниковой? – спросил супруг.

– Э... э... – протянула я.

– Симпатичная блондинка, спортсменка, познакомилась на международных соревнованиях с марафонцем из Африки... – начал пояснять Макс.

– И у них вспыхнула страстная любовь, – вспомнила я. – Парень прилетел в Москву, девушка родила от него сына, а потом они разругались, отец тайком вывез малыша на свою родину. Майя безуспешно искала сына, затем обратилась к нам, но даже мы не смогли ей помочь.

– Выяснили лишь, что отец отправил сына в родное кочевое племя, оно сегодня тут, завтра там, бродит по джунглям, – уточнил муж. – И вот сейчас со мной связался коллега из Интерпола. Разбираясь с одним делом, они работали в Африке и обнаружили в деревне Мбуну белого мальчика пяти лет, который сказал, что его зовут Нчами-Сережа, у него две мамы, одна Мхата, а вторая Майя.

– Не может быть! – ахнула я. – Надо срочно известить Плотникову.

– Сначала сам смотаюсь в Мбуну, – возразил Вульф. – Путь не близкий, сначала до Малабо, это Экваториальная Гвинея, потом два часа на местном самолете, далее почти сутки на джипе. Я должен убедиться, что этот мальчик точно Сережа Плотников. А потом оповещу Майю. Не стоит лишний раз нервировать мать, вдруг в Мбуну не ее ребенок.

– Думаешь, в труднодоступной африканской глубинке живет много белокожих мальчиков по имени Сережа с мамой Майей? – заспорила я.

– Полагаю, нет, – вздохнул Макс. – Но хочу собственными глазами увидеть ребенка. Вот доставлю парнишку в Москву целым и невредимым, тогда и известим Плотникову. По све-

дениям Интерпола, он сейчас в американском госпитале, а почему туда попал, информации нет. Все, я умчался... Уж извини, что бросаю тебя на горе коробок.

– Ерунда, – ответила я, закрыла за Максом дверь и засушила рукава.

В голову пришла замечательная мысль: не стоит разбирать вещи полностью. Жить мы будем не в гостевом коттедже, а в большом доме, поэтому библиотеку можно не трогать, книги до переезда полежат в коробках. И летняя одежда сейчас не нужна, в сарафане и босоножках в январе гулять не пойдешь. Вот кухонную утварь, постельное белье, лекарства, а также игрушки Кисы вкупе с зимними нарядами вытащить придется. Ну да с этим мы быстро справимся! Спасибо Макс-у, который устроил девочку в садик, Киса не будет мешаться под ногами.

Кстати, пока не забыла! Надо найти медкарту ребенка и сегодня вечером, забирая девочку, показать ее местному врачу, пусть убедится, что у нас сделаны все прививки. Ну, и где тут коробка с надписью «Документы»?

Я полезла в лабиринт из коробок и сразу поняла: большая часть наклеек отвалилась в процессе переезда, ящики похожи, как яйца, догадаться, что в каком находится, невозможно.

– Так я и думала, что этикетки потеряются, поэтому собственноручно подписала коробки ярким фломастером, – обнадежила меня Краузе.

– Вы умница! – обрадовалась я. – Жаль, что сама не отличаюсь такой предусмотрительностью.

Роза Леопольдовна схватила одну коробку и водрузила ее на стол, гордо заявив:

– Видите? Вот, четко выведено моей рукой: «Кисины вещи, нужное».

Краузе вскрыла крышку и попятилась.

– Это что?

Я заглянула внутрь.

– Собачьи миски, банка с чаем, куча разных мелочей...

– А где документы ребенка? – покраснела няня. – Я их сюда сама запихнула, прекрасно помню. Кто-то переложил вещи!

– В квартире были только мы с вами и сотрудники конторы «Переезд с удовольствием». С трудом могу представить, как некто из них тайком вытряхивает упакованное и сует на его место всякую ерунду, – хихикнула я.

– Наверное, злоумышленник хотел подорвать мой авторитет, – предположила Краузе. – Я никогда ничего не путаю! А Мирон очень внимателен, и у него необыкновенный почерк. Полюбуйтесь, как красиво он оформил багаж. Прямо художественное произведение!

– При чем тут ваш муж? – удивилась я. – Его с нами не было.

Краузе двинулась к пирамиде из картонных ящиков.

– Мирон забежал на пять минут, пока вы обедать отошли,

пособил мне.

– Он перепутал ящики и этикетки, – осенило меня. – Ищите тот, где написано «Миски», в нем обнаружатся вещи девочки.

Роза Леопольдовна надулась.

– Мой супруг аккуратнее всех на свете!

Я молча осмотрела океан привезенного и возликовала:

– Ура! Вот они, «Миски»! Сейчас возьму медкарту Кисы и...

Радость испарилась мигом.

– Что-то не так? – спросила Роза Леопольдовна.

– Ага, – пробормотала я, – тут книги, любимые детективы.

Мирон долго помогал вам?

Краузе открыла было рот, но тут как раз появилась Надя с просьбой дать ей нечто розовое и кругло-квадратное, и мы временно отвлеклись от разбора вещей.

Глава 3

– Может, кофейку глотнем? – предложила Краузе, когда Надежда ушла за уточнениями. – Чайник уже нашелся.

Я не успела ответить, потому что в дверь постучали. Следом из прихожей раздался веселый голос:

– Ау! Можно войти?

– Кто там? – хором спросили мы с Розой Леопольдовной.

– Сейчас объясню, только угги сброшу и куртку повешу, – произнес тот же голос.

Я вышла в холл и увидела у вешалки даму лет шестидесяти, с яркими голубыми глазами и правильными чертами лица. Даже в этом возрасте она была очень хороша собой, а в молодости, наверное, разбила не одно мужское сердце.

– Давайте познакомимся, – зачирикала незнакомка, ставя на консоль бумажный мешок. – Меня зовут Ирина Леонидовна Горская, я живу на соседнем участке.

– Очень приятно, Евлампия Романова, – представилась я. – Проходите, пожалуйста. Извините, у нас бедлам, только-только переехали, пытаемся с Розой Леопольдовной навести порядок. Не снимайте обувь, грузчики натоптали повсюду, полы немыты.

– Ну и что? – возразила гостья, скидывая сапожки из овчины. – Правда, у нас в деревеньке снежок чистый, не черная жижа, как в Москве, но... Ой, мама! Вы держите в доме

поросят? Какие миленькие, один черный, другой бежевый!

– Это не свинки, а собачки, – сдерживая смех, пояснила я.

– Да ну? – поразилась Горская. – Правда, песики? Обожаю собак! К сожалению, своих завести не могу. У нас с мужем жил терьер Джек, но после его смерти я поняла, что не перенесу во второй раз душевных мук, связанных с кончиной друга. Можно погладить ваших питомцев? У меня руки чистые, я ничем не больна, ни насморка, ни кашля.

– Можете ласкать Фиру и Мусю сколько хотите, – разрешила я.

Ирина Леонидовна присела на корточки, мопсикх рванули к гостье и начали ее с восторгом целовать.

– Ох вы мои хорошенькие! – смеялась Горская. – Чудные! Замечательные! Бархатные! Глазки красивые! Ой, они хрюкают! Ах, вот это радость! Заиньки ушастые! Хвостики бубликом закручены, мордочки черные! Я вас обожаю! Чмок-чмок-чмок... Как называется эта порода?

– Мопсы, – ответила я.

– Восторг! – воскликнула гостья. – Они прекрасны! Можно подержать их?

– Вы только будете вся в шерсти, – предупредила я, – девочки линяют.

– Ерунда, – отмахнулась Ирина Леонидовна и взяла на руки Фиру. – Ты такая толстененькая! Покушать любишь, да? Как же мне хочется такую собачку, бопса...

– Мопса, – поправила я. – Они надежные компаньоны,

всегда в хорошем настроении, до глубокой старости ведут себя как щенки, обожают все человечество. Давайте в комнату пройдем.

– Да, – спохватилась Горская, – а то от двери немного душит, вдруг милые мопсиньки заболеют. К сожалению, Андрей Николаевич в последние годы здесь не бывал, домом не занимался. А за хозяйством глаз нужен, там починить, тут подлатать. Разрешите на диванчик сесть? В уголочек?

– Устраивайтесь, пожалуйста, – сказала я. – Это Роза Леопольдовна, наша няня.

– Добрый день, дорогая, – заворковала Горская, – очень рада вас видеть. Ой, собачки тоже на диван прыгнули! Им можно на нем сидеть?

– Конечно, – улыбнулась я.

Ирина Леонидовна опять стала гладить мопсик. Наглая Муся залезла к ней на колени, Фира плюхнулась рядом с Горской, перевернулась на спину и подставила госте свой живот. Та пришла в полный восторг.

– Кажется, я им понравилась.

– Собаки всегда чувствуют хорошего человека, – заметила Роза Леопольдовна.

Соседка покраснела.

– Спасибо. Можно, я девочкам свяжу свитерочки? У меня прекрасно пуловеры получаются. Ой-ой-ой, сколько вам всего разбирать. Диванчик сюда вниз снесли? Он раньше стоял в угловой комнате на втором этаже.

Горская неожиданно перекрестилась и замолчала.

– Решили туда кресло поставить, – пояснила я, – наверху временно будет моя спальня.

Гостья заерзала на подушке.

– Я увидела Фирочку с Мусенькой и напрочь забыла, зачем пришла. Начну заново. Я ваша соседка. Живу справа, в доме с синей крышей. Слева особняк Мужаровых. Они лет десять как в Англию перебрались и тут не появляются. В «Кроте» пятьдесят два участка, но круглогодично живет всего двадцать пять хозяев, остальные либо за границей, либо в Москве. Правда, на лето народ прибывает, приезжают те, у кого дети школьного возраста. Почему наш поселок носит имя «Крот»? Землю тут еще в советские времена давали сотрудникам «НИИГосстройгоротоннеля», организации, которая рыла тоннели, а крот тоже под землей ходы делает. Участки здесь были по гектару. В конце девяностых поселок купила контора «Стройбыт», почти всех прежних жильцов расселили куда-то, здесь появились другие обитатели, но кое-кто из «старичков» остался, например, мы с мужем. Понимаете, долгие годы я была счастливой женой. Мы с Мишенькой познакомились на первом курсе, оба учились на стоматологов и поженились, получив дипломы. Я проработала пять лет в поликлинике, а потом бросила работу, стала вести домашнее хозяйство и сейчас уже не вспомню, как бормашина включается. А Миша просто родился дантистом. Он даже ужасные советские пломбы, которые у всех через

полгода выпадали, ставил так, что держались десятилетиями. К нему люди за несколько месяцев на прием записывались, и Мишенька привел в порядок рты всего начальства «НИИГосстройгоротоннеля», поэтому мы получили участок в «Кроте». Здесь обитало все руководство, которое не хотело Мишу далеко отпускать. У супруга был оборудован в саду кабинет, соседи могли даже ночью прибежать. А я обеспечивала быт: готовка, уборка, стирка, покупки, уход за садом. Ни секунды свободной не было. И вдруг Миша умер!

Соседка на секунду замолчала, погрузившись, тяжело вздохнула и понеслась дальше:

– Я осталась одна, детей-то у нас не родилось. Растерялась, не знала, куда себя деть. И тут Андрей Николаевич Кутузов, хозяин дома, который вы приобрели, предложил выбрать меня старшей по поселку. Вот с тех пор и тружусь. Я не комендант, а представитель жильцов, защищаю их интересы, организую праздники. Понимаете, мы весело отмечаем день рождения поселка, Новый год и так далее. Если возникнут вопросы, все сразу ко мне обращаются. У меня есть любые телефоны: водопроводчиков, электриков, садовников, уборщиц. Отнесете заявку в контору – прождете рабочего целую неделю. Поселок обязан бесплатно нас обслуживать, но кто же без денег поторопится? И все равно на чай парню дадите. А мой человек примчится мигом, за пару тысяч рублей устранит неполадку. Ну, еще придется запчасти оплатить. Пожелаете получать на дом молоко, творог?

Коровница прибежит по первому зову. Магазин на станции замечательный, там свежайшие продукты, только мигните – шепну мобильный директора, и все на дом в зубах притащат. Доставка стоит сто рублей и ничего сверх.

Ирина Леонидовна вытянула вперед руку и начала загибать пальцы.

– Химчистка, мойка окон, приходящая домработница. Чернорабочие, которые за копейки таскают тяжести, чистят участок и крыши от снега. Нужны заправка и мойка машины? Прилетит честный мальчик, за полтинник откатит автомобиль куда надо, получите его назад сверкающим и сытым. Прачка-гладильщица...

– Вы просто добрая фея! – восхитилась Роза Леопольдовна.

– Да, меня так и называют, – смутилась Горская. – Люблю заботиться о людях, это мое призвание. Ох, как мне вас жаль! Переезд хуже войны, столько всего разбирать...

– Ирина Леонидовна, вы несколько раз назвали Андрея Николаевича Кутузова прежним владельцем особняка. Но нам участок со всеми строениями продавала Тамара Федоровна Николаева, – заметила я.

Горская закатила глаза.

– Да, верно! Небось вы ее не видели?

– Откуда вы знаете? – удивилась я. – Интересы пожилой дамы представляли адвокат и риелтор, с нами она не встречалась.

Ирина Леонидовна поправила волосы.

– Андрей Николаевич давно уехал из России. Сейчас он вроде в Англии. Или во Франции. Увы, связи у меня с ним нет. Загородную недвижимость он переписал на свою домработницу. Тамаре нынче, думаю, под девяносто, а Андрей мой ровесник, шестьдесят пять ему стукнуло. Николаева Кутузову мать заменила, ведь родительница его вскоре после появления на свет сына умерла, отец нанял кормилицу Тому. В прошлом-то веке в сорок девятом году полки магазинов не ломились, как теперь, от детского питания, младенец мог с голоду скончаться. Всю жизнь Тамара об Андрее заботилась, он ее очень любил, предлагал с ним за границу лететь, да она отказалась. Тогда Кутузов купил ей квартиру и дом этот подарил. Долго особняк закрытым стоял, а примерно год назад его на торги выставили. Но никто им, кроме вас, не заинтересовался, чему лично я очень рада. Вы такая милая! Собачки прелестные! Господи, наверное, я мешаю вам работать? Села и болтаю... Уж извините бабку неразумную. Вот визитка, на ней все мои телефоны, звоните, как понадобится, не стесняйтесь обращаться с любыми вопросами.

Я взяла карточку.

– Большое спасибо. Постараюсь особенно вас не обременять, но в первое время, вероятно, побеспокою. Ничего же тут не знаю.

Соседка заулыбалась.

– Забегайте по-соседски, я с раннего утра до вечера двери

не запираю.

Горская погладила мопсик, встала и направилась к двери.

– Вы забыли пакет! – воскликнула я.

Дама обернулась.

– Ах, голова садовая... Нет, не забыла, это вам. Там пироги с черникой. Подумала, люди только перебрались, захотят перекусить, а нечем. Врать не стану, не сама пекла, купила его в пекарне при въезде в поселок. Очень вам ее рекомендую. Там и кафе открыто, прелестное место. Еще в пакете баночка кофе. Вот его вы нигде не приобретете, уникальный, самый лучший, из моих личных запасов.

Я смутилась.

– Большое спасибо! Извините, ничем вас не угостила, у нас полный кавардак.

Ирина Леонидовна всплеснула руками.

– Господи, да разве новоселам до гостей? Еще успеем вместе почаевничать. Все, все, ухажу. Распаковывайтесь.

Закрыв за Горской дверь, я вернулась в гостиную и, выложив из пакета гостинцы, спросила у Розы Леопольдовны:

– Вы любите пироги с черникой? Лично я нет. У меня весь рот в коронках, а эта ягода сильно красится, не хочу рисковать. И она какая-то пресная, безвкусная, не нравится мне совсем.

– Спасибо, воздержусь, – ответила Краузе, – у меня от всех ягод сильная изжога. Хотя пирог выглядит чудесно. А это что за банка?

Я повертела в руках невысокую круглую жестянку темно-коричневого цвета.

– Кофе. Растворимый. Произведен в Индии. Последний раз я видела такой уж и не помню в каком году. Купила его в консерватории в буфете, простояла за ним в очереди больше часа. Во времена дефицита этот напиток считался элитным, потому и педагоги, и студенты поголовно кинулись за ним в столовую. Мама очень обрадовалась, увидев мою добычу. Мы тот кофеек надолго растянули, баловались только по утрам, брали по чуть-чуть. Сейчас смешно вспоминать, как его по миллиграммам отмеряли, чтобы надолго хватило.

Роза Леопольдовна рассмеялась.

– Да, да, такой иногда еще в заказы клали. Некоторым людям трудно менять привычки, и Ирина Леонидовна, видимо, из их числа. Приятная женщина, воспитанная, животных любит. Господи, тут написано: «Годен до 18 октября 1981 года»...

Глава 4

– Не может быть! – воскликнула я, взяв у Краузе банку. – Ой, вы правы, кофеек испортился более тридцати лет назад! Где Горская его взяла?

Няня выхватила из моих рук жестянку.

– Вокруг развелось много нечестных торговцев, небось кто-то приобрел партию кофе, предназначенную к уничтожению, и выставил ее на прилавок. Люди внимательно информацию на товаре не изучают, и если цену поменьше назначить, народ хлеб времен Петра Первого домой потащит.

Краузе сняла крышку и понюхала порошок.

– Пахнет нормально. Похоже, сплошная химия, раз не стух. Интересно, его можно пить?

– Лично мне что-то не хочется, – сказала я.

Роза Леопольдовна усмехнулась.

– Я тоже не испытываю желания прикоснуться к нему. Отдам подарок Николаю.

– Лучше выкинуть, – возразила я.

Краузе сдвинула брови.

– Евлампия, нельзя расшвыриваться деньгами. Мы должны кормить рабочих, вот и сэкономим чуток. Продукты каждый день в цене поднимаются, гранулированный напиток экстра-класса дорого стоит. А Николаю с бригадой все равно, какой кофе пить. Рабочие постоянно краску-лак-штука-

турку используют, не первый год стройматериалы нюхают, давно в мутантов превратились. У них и этот порошок пойдет, от нормального они скорее заболеют. Ой, мне показалось или входная дверь скрипнула?

Я вышла в холл и увидела Веру, младшую сестру Нади. Она, одетая в грязную куртку, как всегда, молча стояла у вешалки.

– Верочка! – слишком радостно воскликнула я. – Зачем пришла?

Та, не произнеся ни слова, протянула мне картонку.

– А, тебя Николай прислал, – догадалась я. – Сейчас посмотрим, что ему такое розовое понадобилось. Ну-ка... Хм, тут написано: «Папа я».

– Здравствуйте, Вера, – сказала Краузе, выходя в холл.

– Здравсти, – прошептала тетка.

Я протянула няне послание.

– «Папа я», – прочитала Краузе. – Не поняла.

– Тоже теряюсь в догадках, – призналась я. – Может, у Николая родился ребенок, и он нам сообщает радостную весть?

– Вы Надин живот видели? – хмыкнула Краузе. – Она не была беременна!

– Ребенок может появиться не только от законной супруги, – резонно возразила я.

Роза Леопольдовна взглянула на Веру.

– У твоего зятя есть любовница?

– Нет, – ответила та.

– У Коли ребенок родился? – подключилась я к интервью.

– Нет.

– Тогда почему он написал: «Папа я»? – не успокаивалась

Краузе.

– Нет.

– Что значит твое последнее «нет»? – рассердилась няня. – Скажи по-человечески!

– Ну... нет, – выдавила из себя Вера, – не папа он. Надо это!

– Что? – хором задали мы вопрос.

– Это.

– Ему нужно «папа я»? – уточнила няня.

– Да.

– Отлично! И как оно выглядит? Верочка, попробуй описать предмет, – попросила я.

– Нет.

Краузе закатила глаза, но я решила не сдаваться.

– Веронька, почему ты отказываешься?

– Плохо пишу. С ошибками.

– Ты словами скажи, – настаивала я.

– Стены. Баня, – как всегда, в телеграфном стиле высказалась сестра Нади.

Я начала гадать.

– «Папа я» это гипсокартон или кирпич?

– Нет.

– Шпаклевка?

– Нет.

– Кафель?

– Нет.

– Что тогда? – сквозь зубы процедила Краузе.

– Краска.

– Уфф, – вырвалось у меня, – наконец-то. «Папа я» это покрытие для стен. Почему же Надя говорила о розовом, кругло-квадратном?

– У обеих сестер в голове лапша переваренная, – фыркнула Роза Леопольдовна. – Одна слишком много болтает, из другой слова клещами не вытянешь. Вероятно, Надя имела в виду банки, которые выпускаются разной формы. Бог с сестрами, дурочками. Интересно другое: почему Коля у нас краску просит?

– Цвет, – вякнула Вера.

– А-а-а, он хочет уточнить колер, – осенило меня.

Сестра Нади неожиданно произнесла длинную речь:

– Да. Цвет «папа я». Нравится? Нет? Смотреть!

– Вот и договорились, – обрадовалась я, хватая куртку. – Вера, ты любишь пирог с черникой?

– Да.

– Роза Леопольдовна, сделайте одолжение, отдайте Вере пакет с выпечкой и кофе, – попросила я.

Краузе поджала губы.

– Не помню, куда его дела.

Я замерла с сапогом в руке. Няня заразилась от Веры сла-

боумием?

– Он на столе в гостиной.

Но Краузе повела себя еще более странно.

– Покажите, пожалуйста, какой, как бы я чего другое не принесла.

В полном недоумении я вернулась в комнату.

– Не стоит рабочих баловать, – зашептала шедшая следом Роза Леопольдовна. – Знаю эту породу. Бывают люди, бывают плохие люди, бывают отвратительные люди, а бывают строители. Для прораба главное – хозяина обдурить: побольше денег оттяпать, поменьше сделать и унести прочь. И они наглые. Один раз угостите пирожком, работяги на следующий день крабов в коньяке потребуют.

– У вас от ягод сильная изжога, мне черника не подходит из-за коронок, к тому же я не люблю ее вообще, – тихо ответила я. – Не пропадать же добру? А кофе вы сами хотели рабочим отдать.

Краузе почесала переносицу.

– Ладно, пусть им пирог ужином будет. Вы идите, побеседуйте с Николаем, а я Вере в толкую, что у них сегодня выпечка вместо сосисок.

– Желаю удачи, – сказала я и побежала в большой дом.

* * *

– Цвет для бани подобрать надо, – сказал Николай, вво-

для меня в небольшое помещение. — Есть интересный колер — папа я. Оригинальный и для комнаты отдыха подходит. Со-зерцание таких стен релакс дает, психологическую разгрузку обеспечивает. Если одобрите, возьму на фирме по оптовой цене, у меня там приятель работает. Во! Кусок оформил, гляньте.

— Весьма симпатично, — согласилась я, разглядывая небольшой участок стены, — и необычно. Вроде зеленова-то-оливковый, но еще присутствует немного розового и, кажется, желтого.

— Папа я, — кивнул прораб, — он такой.

— Ну и название у цвета! — засмеялась я. — При чем тут папа? В связи с присутствием розовых ноток следовало бы назвать оттенок «блондинка я».

Николай округлил глаза.

— Так по фрукту имя дали. Краски натуральные, на растительном сырье. В кухню вам можно «апельсин» или «персик» взять, в спальню «абрикос», а в баньку «папа я».

— Осталось выяснить, что это за фрукт, — улыбнулась я, — не очень-то разбираюсь в экзотике.

— Его в Москве полно, — заверил Николай, — я ел. Гадость. Вроде картошки, но другого вкуса. Посоветовали лимоном обрызгать, но еще хуже стало.

— Папайя! — осенило меня.

— Ну, да! А я чего написал? — удивился прораб. — И...

Дверь в дом распахнулась, появилась Роза Леопольдовна.

Она не накинула верхнюю одежду и примчалась прямо в тапочках.

– Что случилось? – испугалась я.

– Вере плохо! – закричала Краузе. – Упала, корчится.

Я побежала по узкой тропинке назад к домику, за мной почему-то с топором в руках топал Николай.

Дверь в гостевую избушку была открыта настежь, в холле гулял сквозняк. Я внеслась в гостиную и увидела на полу Веру. Глаза ее были широко раскрыты и смотрели в потолок, нижняя челюсть отвисла.

– Ну-ка, подвиньтесь! – скомандовал прораб, отпихивая меня в сторону и присаживаясь около свояченицы на корточки. – Верка, хорош придуриваться, вставай! Эй, дурында, чего молчишь?

– Николай, – тихо сказала я, – не трясите ее, она умерла.

– Да нет, – заспорил Коля, – просто, как всегда, разговаривать не хочет. Верка еще молодая, с чего ей тапки отшвыривать? Слышь, коза, садись, не пугай нас...

– Ой, ой, ой! – заголосила Краузе и выскочила во двор. – Ой, ой, ой!

Николай растерянно взглянул на меня.

– Она чего, правда того? Но так не бывает! Сначала люди болеют. Верка здоровее лошади, просто дура, а от глупости на тот свет не уезжают. Надо врача позвать.

– Давайте пойдем в большой дом, – стараясь выглядеть спокойной, предложила я и, вытолкав Николая на крыльцо,

вынула из кармана мобильный.

Глава 5

– Ремонт в разгаре? – спросил Костин, входя в особняк. – Знакомься, Лампа, это мой бывший подчиненный, а теперь большой начальник Анатолий Игоревич Банкин.

– Здравствуйте, – пробормотала я. – Извините, не могу угостить вас чаем, все наши припасы в гостевом домике, а там труп Веры.

Банкин протянул мне руку.

– Рад видеть вас даже при таких скорбных обстоятельствах. Я знаю Макса и много хорошего слышал о вас. Что случилось?

– Не знаю, – ответила я. – Вам лучше поговорить с Розой Леопольдовной. Несчастье произошло в мое отсутствие, я ушла сюда смотреть, в какой цвет лучше покрасить стены бани. Николай безотлучно находился около меня, где была его жена и остальные рабочие, понятия не имею. Когда няня сообщила, что Вере плохо, я вернулась в гостевой домик и поняла, что сестра Надежды умерла. Николай присел около тела, но руками его не трогал. Я вывела всех, включая собак, во двор, заперла домик, оставив там все, как есть. Даже свет в гостиной не выключила. Если эксперту понадобятся мои сапоги, они в прихожей, на них надеты полиэтиленовые мешки из-под продуктов. Ботинки Николая и тапки Краузе тоже упакованы.

Я замолчала.

Анатолий Игоревич взглянул на Володю.

– Твоя школа?

Костин сел на табуретку.

– Она сама научилась. Где няня?

– Лежит на диване в спальне, – отрапортовала я.

Банкин одернул свитер.

– Сюда может прийти или лучше нам к ней подняться?

– Сейчас приведу Розу Леопольдовну, – пообещала я.

Краузе держалась молодцом. Она села напротив Анатолия Игоревича и сложила руки на коленях.

– Помните, что случилось? – начал Банкин.

– Такое забудешь... – поежилась няня. – Евлампия хотела отдать пирог с черникой рабочим, но я была против, не собиралась баловать строителей. Когда хозяйка пошла разбираться с краской, я подумала: «Предложить бригаде на ужин пирог неправильно. Мужики сладким не наедятся, им сосиски с макаронами подавай. Пирог – десерт, а мы о таком не договаривались, обязывались дважды в день еду обеспечить, не лакомства».

– Понял, – кивнул Анатолий Игоревич.

– Мне замолчать? – встала в позу Краузе. – Слишком разболталась?

– Нет-нет, Роза Леопольдовна, – влез в разговор Костин. – Такой умный, интеллигентный, желающий помочь полиции свидетель, как вы, огромная редкость и радость для нас. Про-

сто у Анатолия Игоревича манера повторять в процессе беседы: «Понял». Это он для себя произносит.

По лицу няни скользнуло подобие улыбки.

– Я человек разумный, но нежадный. Вера глуповата, но она же не виновата, что такой уродилась, я сочувствовала ей. Мы с Евлампией до того, как в городской квартире после взрыва жить невозможно стало, несколько раз приезжали сюда в «Крот» смотреть, как ремонт продвигается. Должна вам сказать, что с Верой в бригаде обращались плохо. Николая свояченица раздражала, он ее называл «немтыка». Но чья вина, что девушка нормально разговаривать не научилась? Родителей! Если с ребенком не заниматься, из него Маугли вырастет. Вере доставалась самая тяжелая работа, спала она в чулане, постоянно ругань в свой адрес выслушивала. Надежда на сестру не меньше мужа злилась, считала ее обузой, несколько раз я слышала, как она восклицала: «Чтоб ты сдохла, дармоедка! Замуж тебя никто не берет, делать ничего не умеешь. Хочешь на нашей с Колей шее до старости сидеть?» Я решила строителям пирог не давать и Веру угостить. Вскипятила чайник, отрезала кусок и предложила: «Угощайся». Она, как водится, промолчала, но по ее глазам было видно: обрадовалась. Вера слопала ломоть и на меня уставилась. Я ей второй отрезала. А она вдруг как-то скривилась... ее затрясло... затем она упала с табуретки. Мне жутко стало, я подумала, что у несчастной припадок эпилепсии, побежала за помощью. Это все.

– Вы сами пирог ели? – осведомился Банкин.

– Не употребляю ягоды, – поморщилась няня, – у меня от них сильнейшая изжога.

– А чай пили? – наседал Анатолий Игоревич.

– Да. Из-за переезда пакетики заварила, не листочки, – уточнила Краузе. – Себе и Вере из одного чайника воду разливала.

– Понял, – обронил полицейский.

– Евлампия, посмотрите на часы, Кису скоро забирать надо, – напомнила мне Краузе.

– Ой! – спохватилась я. – А медкарту девочки мы так и не нашли... Простите, мне надо в садик за ребенком.

– Езжай спокойно, – разрешил Вовка. – Не торопись, тело увезут часа через два, не раньше.

* * *

Заведующая детским учреждением оказалась добродушной тетушкой лет пятидесяти. Услышав про не найденные до сих пор документы Кисы, она проявила понимание.

– Перебираться из одной квартиры в другую настоящий ад. Самой однажды довелось с этим столкнуться. Занятие тяжелое физически, поэтому я наняла упаковщиков. Они вроде аккуратно коробки сложили, подписали их, но, приехав на новое место, я обнаружила, что все ярлыки отвалились.

– Аналогичная история, – вздохнула я.

– Алена Петровна, Наташа уже уходит! – закричали из коридора.

– Завтра с ней поговорю, – откликнулась заведующая. – Я тут с мамочкой беседую. Уважаемая Евлампия Андреевна, поймите, вообще-то я не имею права принять в группу ребенка без документов. Но ваш муж очень приятный человек, и вы мне тоже симпатичны, поэтому пойду на нарушение распорядка.

– Огромное спасибо! – от души поблагодарила я.

Алена Петровна приосанилась.

– Наш садик не коммерческий, выживаем, как умеем. Олечка, наша воспитательница, даст вам список того, что ребенку нужно иметь, покажет шкафчик девочки. У нас строго, мы действуем по утвержденному высшей инстанцией расписанию, нарушать его нельзя – приедут проверяющие и устроят трам-тарарам. Девочку необходимо приводить к шести тридцати.

– Так рано? – ужаснулась я. – Почему?

– Завтрак в семь, – объяснила заведующая. – Перед этим дети проходят медконтроль, переодеваются, еле-еле полчаса хватает. В восемь трапеза заканчивается, ребятки играют до десяти, затем до полудня занятия, в двенадцать тридцать прогулка до половины второго. С двух до трех обед, затем сон. В пять полдник, вторая прогулка на воздухе, игры, и не позднее семи родители детей забирают.

– А можно Киса дома поест и придет к началу занятий? –

заныла я.

– Не положено, – с сомнением в голосе произнесла Алена Петровна. – Хотя... Иногда мы делаем исключение, допускаем свободное посещение.

Я обрадовалась.

– Как попасть в число избранных?

Заведующая потупилась.

– Нам на обустройство выделяют копейки. Вот, к примеру, занавески. Новые положено раз в семь лет покупать, но ведь у нас дети, один на штору наступил, разорвал, другой ее пластилином, красками испачкал... На окнах в группе, куда ваша очаровательная девочка пошла, висит кошмар и позор. Цвет у занавесок серо-буро-малиновый, рисунка нет, качество отвратительное, после первой стирки в линялую тряпку превратились. Такие гардины только в тюрьме вешать, а не в детском учреждении. Или возьмем мебель, те же шкафчики. Им десять лет служить положено. И что? Дверцы через шесть месяцев после установки отвалились, лак облупился. Спасибо, родители у нас замечательные. Папа Олега Прусакова краснодеревщик, руки у него золотые. Он сделал такие гардеробчики – проверяющие ахнули от восторга! Мамочка Катюши Рожиной покрывала на кровати подарила. Опять же все в восторг пришли – у мальчиков голубые, у девочек розовые, а рисунок одинаковый: мишки. Я прямо заплакала, когда такую красоту увидела. Прикроватные коврики от дедушки Кости Ярина. Они с зайчиками, грибочками, ягодка-

ми. Дай бог здоровья родителям всех наших обожаемых деток, но...

Алена Петровна понизила голос.

– Понимаете, Евлампия Андреевна, не все ведь ребяташки из обеспеченных семей. Например, Светочка Кондакова. Прелесть, а не девочка, у нее идеальный музыкальный слух, поет колокольчиком, но растет в неполной семье. Мать Светы прекрасная добропорядочная женщина, одна двух детей тянет. Откуда ей средства на помощь родному садику взять? Она изо всех сил старается, хочет полезной быть. Вот перед самым Новым годом санэпидемстанция внезапно нагрянула... Чтоб им, взяточникам, околеть! Вечно норовят без предупреждения накануне праздника на голову свалиться. Расчет у змеюк простой: в любом месте, даже в нашем идеальном детском учреждении, можно к чему-то придраться. Ну, забыли кастрюлю для супа снаружи до блеска надраить. Нарушение! Составят акт, затаскают меня потом по инстанциям. И входят уродины в мой кабинет, бумажкой помахивают, про стыд и совесть забывши, внаглую интересуются: «Даем ход документу или вопрос иначе решим?» Мол, расстегивай, Алена Петровна, свой кошелек...

Директриса рассмеялась.

– Но в этот раз им обломилось. Меня бабуля Лиды Полубояриновой вечером предупредила, что бабы из санконтроля завтра придут, и я мамочку Кондаковой кликнула. Та, солнышко наше неленивое, рукавчики закатала, юбочку по-

доткнула и за ночь такой марафет в садике навела, что бабье-инспекторши аж зажмурились, когда кухню и санузлы увидели. На коленях ползали с лупой, но ни пятнышка, ни пылинки не нашли. Так им и надо, змеюкам гремучим! Видите, и малообеспеченная мамочка оказалась полезной. Сейчас у меня головная боль с занавесками. Ох, как нужны новые! Ой, как они нам необходимы!

– С удовольствием куплю занавески, – пообещала я, совершенно не желая поднимать Кису в пять утра с кровати. – Вы нам тогда разрешите свободное посещение?

Алена Петровна прижала руки к груди.

– Какие чудесные люди в наш садик приходят! Какие потрясающие мамочки! Как мне везет! Вот у Марины Лаврентьевны из Опанасовки беда – сплошь алкоголики да сутяги родители, поэтому ее садик нищий, грязный, дети вечно болеют. У нее последнее место по району, а у нас первое. Спаси вас господь за щедрое предложение! Конечно, я пойду вам навстречу. Пусть Киса появляется, когда вам удобно, остается сколько надо. Все для вас. Сейчас напишу размерчик занавесок. А вы пока ступайте в группу, познакомьтесь с Оленькой. Не обращайтесь внимания на ее юный вид, девочка закончила вуз, она прекрасный, грамотный, умнейший воспитатель с психологическим образованием. Чудо, а не девушка. Правда, совсем не красавица, но это прекрасно, когда у сотрудницы заурядная внешность.

– Почему? – удивилась я.

Алена Петровна заулыбалась.

– Евлампия Андреевна, у вас молодой, статный, богатый муж. Конечно, он такую жену-красавицу, как вы, обожает. Но зачем человека соблазнять? Представители сильного пола как дети – увидят конфетку и съесть хотят. Я при подборе сотрудниц, которые непосредственно общаются с родителями, всегда внимательно изучаю внешность соискательницы. Блондинки с пятым размером бюста, осиной талией и пухлыми губками от меня сразу получают от ворот поворот. Не хочу, чтобы мамочки нервничали и садик проклинали. Нет, нет и нет! Пусть папочки безобразничают, где хотят, но не на подведомственной мне территории. Крепкая семья – оплот государства. Такова моя позиция.

Глава 6

– Вы мама Кисы? – обрадовалась воспитательница, когда я вошла в группу.

– Да. Как вы догадались? – удивилась я.

– У нас одна новенькая, – засмеялась Оля. – Много ума не надо, чтобы сообразить, кто сейчас пришел, я же всех родителей в лицо знаю. Замечательная у вас девочка! Развитая, некапризная и очень самостоятельная. Сегодня на обед были куриный суп и картофельная запеканка. Все съели первое, а Киса задержалась. Я к ней подошла, хотела спросить – вдруг невкусно? Вижу, девочка ложкой из бульона лук вылавливает.

– Киса не любит, когда в супе, как она говорит, тряпки плавают, – пояснила я.

– Меня удивило не то, что ваша дочка какой-то продукт не употребляет, – продолжила Ольга, – а то, как она поступила. Не стала канючить, плакать, заявлять: «У мамы вкуснее», а молча решила проблему, как взрослый человек.

Мне не хотелось рассказывать воспитательнице, почему Киса не по годам развита, и сообщать о том, что мы с Максом не биологические родители девочки. Если Киса пожелает, то сама скажет правду про брата Егора, их маму и про то, как

ребята очутились в нашей семье¹.

– Очаровательная малышка! – продолжала тем временем Оля.

Я перевела разговор на иную тему.

– Алена Петровна предупредила, что вы дадите список вещей, необходимых для садика.

– Конечно, конечно. Вот он, на доске вывешен, – засуетилась Ольга. – Изучайте и, если что непонятно, спрашивайте. Переписывать не надо. Сделайте фото, а если трубка обычная, без камеры, я дам вам копию, у меня их много.

Воспитательница вышла из раздевалки, я приблизилась к стенду и погрузилась в чтение.

«Вниманию родителей, бабушек-дедушек, а также сопровождающих лиц! Дети принимаются и выдаются лицам, зарегистрированным в личном деле воспитанника. Если у воспитателя возникнут сомнения в подлинности пришедшего в сад лица, он имеет право попросить документ, удостоверяющий личность.

Взрослые допускаются только в раздевалку, без верхней одежды и уличной обуви. Лица с насморком, кашлем, признаками других болезней в сад не допускаются. Алкоголикам, наркоманам, лицам в грязной и рабочей одежде вход воспрещен. Несовершеннолетним лицам дети на руки не выдаются. Записки от родителей вроде: «Сегодня я больна, ма-

¹ Судьба Кисы и Егора рассказана в книге Дарьи Донцовой «Добрый доктор Айбандит», издательство «Эксмо».

лыша возьмет старший брат» в саду не действуют.

Выражаться нецензурными словами на территории детского учреждения запрещено. Лица, застигнутые в момент произнесения брани, будут подвергнуты административному наказанию в виде общественно-полезного труда, как то: уборка территории, мытье санузлов или выполнение других мелких работ по выбору руководства сада.

Желающие снять пробу обеда должны иметь при себе белый халат, косынку или медицинскую шапочку, одноразовые резиновые перчатки, сменную обувь, справку от врача об отсутствии психиатрических, венерических, инфекционных заболеваний.

На праздники родители и приравненные к ним лица должны приходить в праздничной одежде и с хорошим настроением.

Родители обязаны вовремя оплачивать посещение сада, снабжать ребенка всем необходимым (см. инструкцию № 2), прививать малышу любовь к родному саду, воспитателям, педагогам, нянечкам, директору, дать свои контакты администрации.

В случае возникновения экстренных ситуаций, таких как наводнение, тайфун, ураган, цунами, начало военных действий и революций, эпидемий, нашествие представителей внеземных цивилизаций...»

Я подумала, что, наверное, неправильно прочитала последние слова, потеряла глаза и снова уставилась в инструк-

цию. Нет, я не ошиблась! На листке черным по белому было напечатано именно это: «нашествие представителей внеземных цивилизаций». Ну и что там интересного дальше? А дальше в списке катаклизмов значились «землетрясение, буря, шквальный ветер, пожар и др.».

И что же должны делать родители в таких ситуациях?

«Родители в количестве двух лиц обязаны в течение десяти минут после оповещения их администрацией об экстренной ситуации явиться в сад, имея при себе необходимые лекарства, теплые вещи, термос с горячим питьем. Проявление паники недопустимо, истеричные родители после устранения форс-мажорных обстоятельств будут наказаны проведением общественных работ в здании сада и на окружающей его территории по выбору администрации.

Категорически запрещено!!! Кормить детей дома завтраком. Отказываться от соблюдения расписания сада. Приводить в группу больных малышей. Мобильные телефоны и планшетники в сад не вносятся. Не приветствуются любые украшения: серьги в ушах, пупках и прочих местах детского организма, цепочки, браслеты, кольца, колье, диадемы и пр. Не следует пользоваться декоративной косметикой, лаком для ногтей и волос, духами, туалетной водой, дезодорантом.

Внимание!!! Дети принимаются исключительно в промежутки от шести тридцати до шести сорока пяти утра. По истечении этого времени ворота окружающей территории за-

пираются. Убедительная просьба не перебрасывать детей через забор. Переброшенные воспитанники будут немедленно перекинuty назад дворником в руки опоздавших родителей и приравненных к ним лиц. Если попытка перешвырнуть малыша через ограду будет повторена несколько раз, дворник составит жалобу на имя вышестоящего начальства.

Дети забираются домой в период с семнадцати до девятнадцати вечера.

В случае прибытия матери-отца-бабушки и других приравненных к ним лиц позднее малыш выдается охраной. Регулярные опаздыватели будут наказаны выполнением мелких ремонтных работ.

Настоятельно рекомендуем тщательно изучить Правила и неукоснительно их выполнять.

Правление объединения «Компомрострестбум», отдел детсадов и ясель. Начальник Упырь В. М.».

– Киса просит вас пять минут подождать, она куклу спать укладывает, – прощепетала Оля, вновь появляясь в раздевалке. – Если вы торопитесь, я уговорю ее оставить лялю.

– Нет, у меня полно свободного времени, – пробормотала я. – И я не успела прочитать всю информацию на доске.

Оля засмеялась.

– Глядя на вас, понимаю, что вы ознакомились с правилами, которые составило высокое руководство. Поразительный документ! Но детское учреждение обязано его вывесить без каких-либо изменений. Особенно радует фамилия началь-

ника – Упырь.

– Алена Петровна сказала, что садик не коммерческий, – удивилась я. – При чем тогда трест?

Воспитательница махнула рукой.

– Ох, без тарелки манной каши тут не разобраться. Да, садик не частный, но и не государственный. Он ведомственный, принадлежит организации. Трест огромный, у него в Москве и Подмосковье тьма сотрудников, для них открыто более сорока садов, школы, поликлиники... Вроде все сохранилось с советских времен, я подробностей не знаю. Плата за садик невелика, это, конечно, плюс, но сумм, достаточных для покупки всего необходимого, сверху не выделяют. Алене Петровне приходится выкручиваться, родителей привлекать. Вы посмотрите список нужных вещичек, а я сбегаю, проверю, как там у Кисы дела.

Я вновь повернулась к стенду.

«Дорогие мамочки-папочки, бабушки-дедушки! Мы рады видеть ваших малышей. Чтобы сделать их пребывание в садике удобным, очень-очень-очень просим внимательно прочитать объявлениице.

В нашем садике введена форма. Сделано это для того, чтобы менее обеспеченные детки не ощущали дискомфорта, глядя на более богатых ребятков. Если у вас девочка, то ей надо купить: два фланелевых халатика розового цвета с рисунком в виде коричневых мишек, пару пижамок с длинными штанишками того же вида, семь пар белых х/б трусиков

и маечек. Для занятий спортом нужны четыре зеленые футболочки и такие же шортики плюс кроссовки белые, носки махровые под цвет обуви. Одежда для группы: юбочка, платье, кофточка, жилетка, пуловер, сарафан, блузка – все заказывается в ателье «Зайчик», там знают, что и как шить. Обувь – туфельки на каблукке 2 см, нос округлый – приобретаются в магазине «Котик», вас там всегда ждут. Верхняя одежда: курточки, шапочки, пальто на выбор родителей. Большая просьба нашить на все предметы герб садика, его нужно купить в «Зайчике».

Второго числа каждого месяца вам надо сдать для нужд ребенка: рулон туалетной бумаги, пачку стирального порошка, коробку пластилина, набор цветной бумаги, клей, скрепки, четыре альбома для рисования, карандаши разные, фломастеры, цветные лоскутки, нитки и корм для хомячка Вени (двести граммов, приобретайте в магазине «Медведеда»). Если у вас трудное материальное положение, то напишите заявление в общественный совет нашего садика, и мы решим проблему.

Мы очень просим вас каждый день перед выходом из дома совместно читать с ребенком стишок, написанный нашим замечательным психологом Анечкой: «Ах (далее имя вашего ребенка, например, Катя), Катя, ты прекрасна, живи, себя любя. И садик твой прекрасен, живи, его любя. Все, что тебе нужно, в садике живет, и тот, кто тебя любит, в садик придет».

Мы очень просим вас выучить также гимн нашего замечательного, стабильно занимающего первое место по объединению «Компомрострестбум» садика и исполнять его при подъеме флага на линейке. Церемония поднятия знамени проводится по праздникам, мы вас заранее предупредим. Гимн нашего любимого детсада:

Мы в нашем садике живем,
Мы наш садик домом зовем,
Ни в чем родителей мы не подведем,
Нам важны улыбки детей,
Мы в единстве всех сильнеей.
Наша семья с каждым годом мощней,
Наши улыбки все веселей,
Мы любим родителей, любим мы сад,
Каждый день бежать сюда всякий рад!

Исполняется на мотив оратории «Слава паркам Родины», ноты можно взять у преподавателя музыки Катюши.

Мы вас любим, вы лучшие на свете родители, ваши детки прекрасны.

Директор садика А. П. Бабаягина».

Я чуть не расхохоталась. Упырь и Баба-яга! Славная компания!

— А вот и мы, — весело пропела Оля, — Киса молодец, всех куколок ужином накормила, спать уложила, песенки им спела. Вот адреса ателье «Зайчик» и магазина «Котик». Пока

никто девочку за отсутствие формы укорять не станет, когда сможете, тогда и приобретете. Алена Петровна просила показать вам игровую и спальни, чтобы новые занавески совпали с интерьером. Кисонька, тебе понравилось в группе?

Девочка посмотрела на воспитательницу.

– Да.

– Вот как здорово! – захлопала в ладоши Оля. – Теперь тебя мамочка в награду за отличное поведение чем-то вкусеньким угостит. Что ты любишь?

– Пирожное, – как всегда, лаконично высказалась Киса, – с кремом.

Я погладила малышку по голове.

– Сейчас зайдем по дороге домой в кондитерскую. Мне сказали, что там чудесное кафе.

– А где вы живете? – заинтересовалась Ольга. – Кисонька сегодня у нас первый день, личное дело на нее еще не оформили, я ничего о девочке не знаю.

– Вчера вечером перебрались в «Крот», – пояснила я. – Поселок неподалеку, меньше пяти минут езды. Купили дом на Ягодной улице, сейчас ремонт делаем.

Олечка подала мне шапку Кисы.

– От всей души сочувствую. Хуже нет занятия, чем в бывшем чужом жилье свой порядок наводить. Может, я могу чем-то помочь?

– Большое спасибо, – поблагодарила я милую девушку, – пока справляемся. До завтра. Мы придем прямо к занятиям.

– Знаю, – кивнула Оля, – очень жду. Киса, мы на уроке будем учить буквы.

Девочка вывернулась из-под моей руки, схватила лежащую на столике книжку Смоляковой, раскрыла ее и начала озвучивать текст: «Стояла ночь. Возвращаясь домой, Катя услышала из мусорного бачка трель мобильного телефона...»

Оля быстро отняла у нее роман, пробормотав:

– Господи, опять мамочка Краснова детектив забыла, надо его спрятать подальше... Киса! Ты читаешь лучше школьницы!

Малышка подбоченилась.

– Еще могу примеры решать и про динозавров рассказать. Много разного знаю.

– Потрясающе! – восхитилась Ольга. – Завтра непременно получишь звезду Героя группы. Золотую. До свидания, моя радость!

Мы с Кисой вышли во двор и медленно двинулись к воротам. Похоже, Кисе в садике очень понравилось, потому что она стала на удивление разговорчивой.

– На обед давали суп с вермишелью и запеканку. Кровать моя у стены, рядом спит Лена, у нее есть кролик.

– Ты спала? – спросила я.

– Не-а, – ответила девочка. – Кролик пищал. Тихо, пи-пи-пи, но слышно.

Я поправила капюшон ее комбинезона.

– Лена принесла в группу кролика? Ольга ей разрешила?
Киса приложила палец к губам.

– Тсс... Это секрет. Зайчик – тайна. Никто о нем не знает,
только я.

Меня охватило удивление.

– Неужели взрослые не заметили длинноухого?

– Не-а.

– Ни дети, ни педагоги?

– Нет.

– Где же он все время сидел? – недоумевала я.

– Лежал. У Лены на кровати. Под подушкой.

Я изумилась.

– Бедняга болен? И каким образом Лена протащила его
в группу?

– В трусах.

– В трусах? – подпрыгнула я. – Кролик поместился у Лены
в трусиках?

– Ага!

– Он же большой, – в полной растерянности протянула я.

– Не-а! Маленький, – просветила меня Киса, – вот такую-
сенький, на ладошке умещается. Он программа такая, компь-
ютерная.

– Тамагочи! – с запозданием дошло до меня.

– Не-а! – возразила Киса. – Мистер Кролик живет в теле-
фоне, и, если его не покормить, он умрет.

– В садике запрещены мобильные, – напомнила я.

– Ага, – согласилась Киса. – Лена раньше свой телефон маме отдавала, просила за мистером Кроликом смотреть. Но у мамы работы много, поэтому он умер. Теперь Лена сама другого Кролика воспитывает. Кладет трубку в трусы, потом под подушку прячет. Так все делают, у кого телефоны есть. А у меня его нет.

Я растерялась. Потом пробормотала:

– Макс вернется из командировки, и мы подумаем о покупке тебе мобильного.

– Он мне не нужен, – отказалась Киса. – Звонить некому, с Егором я по скайпу разговариваю через ноутбук. Пошли пирожное есть.

Я взялась за калитку и начала дергать ее, одновременно заверив:

– Сейчас купим эклер или «картошку».

– Мамочка, не ломайте ворота! – вдруг раздался над головой грубый голос. – Заперто у нас. Всуньте в прорезь пропуск родителя, тогда замок сработает.

– У меня его нет, – промямлила я. – Когда входила, никаких проблем не было.

– Без малыша шли, – пояснил невидимый охранник, – не было причин препятствовать. А с ребенком требуется карточка. Возьмите у воспитателя.

– Пошли назад, – скомандовала я Кисе.

– Не таскайте девочку, вспотеет одетая в помещении, простудится, – неожиданно вмешался секьюрити, – пусть во дво-

ре стоит.

– Не хочется ребенка одного оставлять, – вздохнула я.

– Налево гляньте, – приказал домофон.

Я повернулась и увидела маленькую избушку с открытой дверью, на пороге которой стоял мужчина в черной форменной куртке. Он помахал мне рукой и крикнул:

– Не волнуйтесь, пригляжу за малышкой. Да и куда ей деться с подводной лодки? Периметр обнесен сплошным забором, мы его на предмет подкопов и пролазов каждый день тестируем. Ступайте спокойно.

Я поспешила назад в здание, увидела в группе незнакомую женщину и сказала:

– Мне нужен пропуск родителя. Где Оля?

Тетушка схватилась за голову.

– Ой, простите! Я няня, меня зовут Елена Ивановна. Это моя обязанность карточки выдавать, а я совсем забыла! Вы не сердитесь?

– Конечно, нет, – улыбнулась я, – сушая ерунда.

– Вы такая милая! – умилилась Елена Ивановна. – Уж извините. Зуб мне вчера удалили, болит сильно, вот память и отшибло. Вы Евлампия Андреевна, мама Кисы?

– Правильно, – подтвердила я.

– Девочка у вас развитая, сразу видно, что ею дома много занимаются. Простите, что вам вернуться пришлось. Олечка пошла вместо меня на кухню за кефирчиком. Мы тех, кого мамочки поздно забирают, молочным продуктом всегда по-

им и по булочке даем, их наша повариха печет. Оля очень заботливая, увидела, что я за щеку держусь, и побежала на пищеблок. Сейчас пропуск дам... Вот, возьмите. Уж не серчайте на меня, – зачастила нянечка.

– Лишний раз пройтись не вредно, – улыбнулась я. – А то все на машине да на машине, этак гиподинамию заработать можно.

Елена Ивановна оглянулась по сторонам.

– Я была в подсобке и слышала вашу беседу с Олей про то, как вы Кисе пирожное в кондитерской у въезда в «Крот» купить пообещали... Прямо не знаю, как и сказать... Неудобно, но я должна, наверное, предупредить... по секрету...

– Что-то случилось? – напряглась я. – С ребенком? О чем мне не сообщили?

– Нет, девочка в полном порядке, но может беда произойти, если в той кондитерской пирожное купите, – прошептала Елена Ивановна. – Там... ну... э... слов не подберу... В общем, в этой лавке людей травили, много народа из деревни умерло. Серафима Кузьминична подробности знает. В поселке «Крот» живет наш воспитанник Антоша Кроков. Его мамочка дружит с Аленой Петровной, она вчера принесла нам торт из того кафе. Очень красивый! Алена Петровна после закрытия решила устроить чаепитие. Мы так иногда делаем, у нас коллектив очень дружный. Короче, начала она торт разрезать, а Серафима заявила: «Нельзя есть бисквит, все на тот свет уедем». И жуткую историю рассказала. Полу-

чился настоящий скандал. Заведующая на Симу обозлилась, велела сплетни не распространять, пообещала уволить тех, кто их разносит.

– Что не так с кафе? Говорите конкретно! – потребовала я.

Собеседница втянула голову в плечи, продолжая бормотать:

– В садике хорошие условия, люди прекрасные, зарплата нормальная, не хочется места лишиться... Но я до сих пор под впечатлением от услышанного, а вы такая милая, за пропуск не разозлились, Киса очаровательная... Просто я обязана сказать о возможной беде... Ведь недаром говорят: «Кто предупрежден, тот вооружен»...

– Почему нельзя пользоваться кондитерской? – налетела я на няню.

– Идите к Серафиме, – еще больше понизив голос, шепнула та. – Она рядышком живет, на площади за почтой. Ее избушка в ярко-голубой цвет покрашена, не спутаете. Говорят, кафе, где беда случилась, закрыли, а теперь, оказывается, оно вновь заработало, раз вы туда собрались. Ну... короче... там раньше всех отравили. Ой! Я ничего вам не говорила!

Глава 7

Не успели мы с Кисой открыть железную калитку, как на крыльце маленького аккуратненького домика показалась старушка и ласково спросила:

– За яичками пришли? Завтра к полудню прибегайте. Сколько вам оставить?

– Здравствуйте, Серафима Кузьминична, – отозвалась я, – меня к вам Елена Ивановна, нянечка из садика, отправила.

Старушка прищурилась.

– Так все равно яиц нет. Расхватили все, потому что вкусные очень, не с птицефабрики, домашние.

Я решила сразу начать с главного вопроса.

– Хочу про кафе-кондитерскую спросить, которая при въезде в поселок «Крот» работает. Я собралась там пирожное девочке купить, а Елена Ивановна меня остановила, посоветовала сначала к вам зайти, вроде вы что-то о кафе знаете.

Бабуля начала креститься.

– Свят, свят, свят... Да, да, не ходите туда!

– Почему? – спросила я.

Пенсионерка обернулась.

– Катька!

Из домика выглянула девочка лет десяти.

– Чего?

– Оденься и погуляй с ребенком, – распорядилась старушка. – Козочек ей покажи, кролей, кур. А мы пока потолкуем.

Катя закатила глаза.

– Рожу-то не криви, – одернула внучку бабушка, – схлопочешь за кривлянье. Велено – делай.

Девочка не посмела спорить.

– Сейчас. Только в куртку влезу.

– Так-то лучше, – одобрила Серафима Кузьминична и по-манила меня рукой. – Скидывай сапоги, ступай в кухню.

В неожиданно просторной комнате с современной электроплитой вкусно пахло какой-то травой. Я подергала носом.

– Чабрец аромат дает, – пояснила хозяйка. – Чаю хочешь?

– Не откажусь, – ответила я, – холодно на улице.

Старушка включила чайник.

– Да уж, зима на дворе, не август. Садись. Как тебя звать?

– Евлампия, – представилась я.

Хозяйка всплеснула руками.

– Надо же, как мою бабушку покойную, царствие ей небесное... Ну, слушай про кондитерскую. В «Кроте» какой-то праздник устроили и позвали на него из Мишкина наших простых людей, кто в поселке работал. И на банкете целая семья померла, Варфоломеевы. Они в соседнем доме жили: Светлана Петровна, Алексей Борисович и Рома. А еще Лариса Прокофьева, тоже из наших. Во какое дело. Яд был в пирогах-пирожных. Нинка, жена нашего участкового, мне сказала, что там вся еда была с отравленной начинкой. Вро-

де хотели всех «кротовцев» поубивать, но остальные поестъ не успели. Полиция преступника нашла – хозяйку кондитерской. Ее посадили, кафешку закрыли, долго она запертой стояла, а в конце нынешней осени открылась. Но наши из Мишкина туда никогда не пойдут. И старые «кротовцы» тоже. Новые же, вроде матери Антона Крокова, ничего не знают. Она нам из того кафе торт принесла. Но я его есть не стала и других отговорить пыталась, за что от директора выговор получила. Нет бы Алене Петровне мне спасибо сказать, что я хотела коллектив от смерти уберечь.

– Убийцу же поймали, – напомнила я, – она, по вашим словам, заключена под стражу.

– Все равно опасаясь, – поморщилась Серафима Кузьминична. – Мало ли чего, вдруг еще одна психованная появилась. Правильно вас Елена Ивановна притормозила, не хотите неприятностей, не покупайте там ничего. И вообще «Крот» гиблое место. Вечно там гадости происходят: то женщина из окна выпадет, то ребенок в песочнице покалечится, то в кафе народ отравится.

– Ничего об этом не слышала, – удивилась я.

– А где сами живете? – проявила любопытство Серафима. – Не из наших вы, смотрю. Может, из Рогожина? Или в Янтарной слободе поселились? В округе столько поселков понастроили. Раньше тут одно наше Мишкино было, а теперь народу, словно муравьев, развелось. Так откуда будете?

– Из «Крота», – пробормотала я, – мы с мужем дом там

совсем недавно купили.

Серафима Кузьминична пару раз моргнула, потом завела: – Замечательное место, в лесу строили. Прежде там начальники из организации, которая тоннели строит, жили. Мы, мишкинцы, им по гроб жизни будем благодарны – они газ себе тянули и нам провели. Хорошие люди, не чванные. А за одного из них, за Андрея Николаевича Кутузова, я утром и вечером молюсь. Он мою дочь в клинику устроил, в ведомственную. Причем бесплатно. Раиску туда положили, и я ни копейки денег не заплатила. В нашей-то больничке в Мишкине руками развели и в лицо мне сказали: «Зачем такую девочку лечить? Только ее и себя измучаете. Оставьте дочь умирать спокойно». И мы с тем домой и поехали. Рая-то еще школьницей была, не поняла, что ей добрые доктора скорую смерть накаркали, а я в автобус села и про себя твержу: «Господи, вот ужас-то! Только не зареви, Сима! Не надо на людях чувства показывать!» Дочка, как назло, давай просить: «Мам, купи мороженое!.. Мам, хочу пломбир...» Вышли мы с ней на станции, в магазин заглянули, дочка побежала к морозильнику, а у меня слезы сами собой потекли. Я в ряд, где консервы, бросилась, рукавом утираюсь и прямо в мужика врезалась. Он высокий такой, уж не молодой, но красивый, в дорогом костюме, сначала недовольно отреагировал: «Женщина, осторожнее, вы мне на ногу наступили». А потом присмотрелся и стал расспрашивать: «Что случилось? Почему вы плачете?» И я ему, совсем незнакомо-

му человеку, возьми да и выложи про скорую кончину Раи. Мужчина выслушал, не перебивая, из кармана носовой платок вынул и в руки мне сунул, потом визитку достал. «Завтра по указанному здесь телефону в час дня позвоните. Ответит секретарь, вы ей свое имя-фамилию назовите, и она объяснит, что делать надо. Лицо вытрите, не стоит девочке ваши слезы видеть. Все будет хорошо. Как вас зовут?»

Серафима Кузьминична сложила руки на груди.

– Дальше прямо как в сказке было. Женщина на телефоне адрес мне продиктовала, имя врача назвала, Растопов Валерий Валерьевич, велела ехать срочно. Я ей робко так намекнула: «Денег у меня совсем нет». А она в ответ: «Не нужно платить, ничего вам визит стоить не будет». И вылечил Раису доктор. Я с тех пор в церкви свечи за Валерия Валерьевича и Андрея Николаевича ставлю. Дай им бог здоровья! Всегда с праздниками их поздравляла. Растопову до сих пор на Новый год и в день рождения банки с вишневым вареньем отправляю, он его любит. Кутузов уважал мою наливку из черной смородины, я специально для него пятилитровую бутылку настаивала. А потом у него молодая жена разбилась.

Серафима Кузьминична перекрестилась.

– Из окна выпала. Олеся Фокина, уборщица в администрации «Крота», мне рассказала, что Кутузова случайно свалилась, не самоубивалась. Подошла к окошку воздухом подышать, у нее, наверное, голова закружилась, и бац! Вроде не особенно высоко, второй этаж всего, могла руки-ноги

покалечить, но живой остаться, да не повезло, шею сломала. Андрей Николаевич сразу из дома уехал, ни адреса его, ни телефона теперешнего не знаю.

Плавную речь старушки прервал телефонный звонок.

– Господи! – всполошилась бабулька. – Совсем позабыла про внука, надо его с продленки забрать.

– И нам с Кисой пора, – сказала я.

– Вы с кошкой? Где же она? Очень этих зверьков люблю, – засуетилась хозяйка.

– Нет, – улыбнулась я, – Киса это домашнее прозвище девочки, которая ходит в детский садик в группу к воспитательнице Ольге.

– Хорошая женщина, – сказала хозяйка, – Олю все наши любят, она о чужих детях, как о своих, заботится. Сейчас садик образцовым стал, а заслуга в том Алены Петровны. Раньше им Надежда Федоровна рулила, так о той доброго слова никто сказать не мог.

Я встала.

– Спасибо вам за предупреждение о кафе, пирожные мы с Кисой там покупать не станем.

– Вот и правильно, – одобрила Серафима Кузьминична, – береженого бог бережет.

Глава 8

– Пирожное! – напомнила Киса, когда мы подошли к машине.

Я открыла заднюю дверь.

– Залезай скорей. Знаешь, что я подумала? Эклеры-корзиночки ты съешь и быстро о них забудешь, а игрушка останется надолго. Давай-ка поедем в торговый центр на станции и купим тебе подарочек.

– И пирожное, – прибавила девочка.

– Ладно, – согласилась я.

– В кондитерской, – уточнила Киса.

– Там ничего хорошего нет, – отмахнулась я, – твою любимую «картошку» невкусно делают.

Дорога много времени не заняла.

* * *

– Пошли за пистолетом, – предложила Киса, когда мы вошли в большой торговый центр.

– Может, лучше купим куклу? – предложила я.

– Пистолет.

– Лялю ты будешь одевать и причесывать... – попыталась я изменить настрой Кисы. Но та оказалась непреклонной:

– Пистолет.

– Оружие любят только мальчишки. Вот мне бы не понравилось играть с пистолетом, – упорствовала я.

– А ты и не будешь с ним играть, – резонно возразила девочка. – Смотри, куда надо идти, написано «Детские товары».

Встав у прилавка, Киса начала рассматривать разнообразные игрушки, а у меня зазвонил телефон. Я увидела на экране знакомый номер и в первый момент испытала желание сбросить вызов. Но потом подавила порыв и ответила:

– Добрый вечер, солнышко.

– Лампуша, – зашептал тихий голос, – я ошибалась. Это все из-за таблеток, которыми меня Григорий пичкает. От лекарств в голове мутно. Но я их пить бросила.

– Милая, тебе нужно принимать прописанные средства, – начала я уговаривать женщину.

– Не говори со мной так! – рассердилась та. – Называй по имени!

– Хорошо, – тут же согласилась я. – Подскажи, как лучше к тебе обращаться?

– Дружим сто лет, и ты до сих пор не знаешь, кто я? – всхлипнула собеседница.

Ответ был у меня заготовлен заранее.

– В последнее время память подводит, уж извини.

– Даша Морозова, – представилась собеседница, – обо мне сегодня по телевизору говорят.

– Привет, Дашенька, – фальшиво бодро продолжила я. – Как дела?

– Я выкинула таблетки, которые Григорий дал, – зашептала женщина. – Они мне не нужны! Под язык их спрятала, а потом в туалет пошла и выплюнула.

– Дашенька, – защебетала я, – так поступать нехорошо. Дай честное слово, что будешь пить лекарства.

– Я ничем не больна! – запальчиво заявила собеседница.

– Конечно, нет, – заверила я, – ты здорова, но от пилюль отказываться нельзя.

– Их только психи глотают, – возразила женщина.

Я старательно изобразила удивление.

– Почему? Я всегда по утрам пью пилюли. После завтрака принимаю, например, гинкго.

– Зачем? – заинтересовалась больная.

– Для улучшения мозгового кровообращения, – пояснила я, не упоминая, что препарат не является лечебным средством, это пищевая добавка.

– Я тоже такой хочу, – обрадовалась собеседница. – Хочу пить твои таблетки, а не те, что Гриша сует.

Мне стало грустно. Увы, Соне Грушиной – так на самом деле зовут мою собеседницу – никакие БАДы не помогут, ей необходимы лекарства от психиатра.

С Грушиной я познакомилась несколько месяцев назад, когда сестра жены Володи Костина попала в неприятную ис-

торию, связанную с убийством². К сожалению, о том, что произошло, узнала пресса и заинтересовалось телевидение, поднялся совершенно не нужный никому из нас шум. Хорошо хоть, он продлился всего пару дней. Когда внимание папарацци перекинулось на другие объекты, я включила свой мобильный, и тут же раздался звонок от женщины, которая, назвавшись хорошо знакомым мне именем, сказала, что полиция арестовала не того человека, на самом же деле убийца именно она, и нам необходимо увидеться. Конечно же, я помчалась на встречу. Но не одна, а с Костиным. Причем Володя уверял меня, что на свидание никто не явится.

– Это глупый розыгрыш! – злился он. – Номер не определился, кто-то решил развести тебя, и ты попалась на крючок.

– Женщина показалась мне очень взволнованной, – отбивалась я. – Сыграть такое настроение способна лишь профессиональная актриса.

– Или мошенница, которая...

Договорить Костин не успел – к нашему столику со словами: «Это я вас вызвала» – подошла дама.

Через десять минут и мне, и приятелю стало понятно: собеседница не в себе. Володя извинился и, незаметно взяв ее сумочку, вышел якобы в туалет, я же продолжала разговор с новой знакомой, не заметившей похищения ридикюля. Вскоре Костин вернулся, а минут через двадцать в кафе при-

² События, о которых вспоминает Лампа, описаны в книге Дарьи Донцовой «Матрешка в перьях», издательство «Эксмо».

мчались мужчина и девушка. Последняя увела «убийцу», а ее спутник, представившись Григорием Грушиным, стал извиняться:

– Простите, Соня больна. Она не агрессивна, совершенно не опасна и, когда принимает лекарства, ведет себя нормально. Но осенью и весной у жены случаются обострения. Мне повезло, что вы, господин Костин, полицейский. Поэтому вы по паспорту, найденному в сумке, выяснили, кто супруг Софьи. Не могу описать меру моей благодарности. Спасибо, что отыскиали меня.

– Что за диагноз у Софьи? – полюбопытствовала я.

Григорий помрачнел.

– Супруга с детства мечтала стать актрисой, и у нее явно есть талант. Но родители, люди далекие от искусства, велели ей навсегда забыть о сцене и поступать в педагогический. Отец Сони был директором школы, мать преподавала русский язык и литературу. Как послушная дочь, Соня получила диплом, работала в училище, где готовят медсестер, вышла за меня замуж. Пять лет назад родители жены погибли в авиакатастрофе, и нервная система Сонечки не справилась со стрессом. Через две недели после похорон мне позвонили из отделения полиции, я приехал и услышал невероятную историю. Оказалось, что вместо работы Соня в этот день отправилась к представителям закона и заявила, что она – Елена Чайкина, убийца трех малолетних детей, это о ней утром говорили в новостях, а женщину, чье фото показали на экра-

не, арестовали по ошибке. Спасибо дознавателям: понимающие равнодушные люди не выставили мою бедную жену вон, а взяли у нее паспорт и нашли меня.

— Ваша супруга прикидывается преступницей, о которой узнает из прессы, — догадалась я.

— К сожалению, да, — подтвердил Григорий. — Сначала Соня ходила сдаваться в полицию, но потом сообразила, что каждый ее визит в отделение заканчивается моим приездом, и стала действовать изо щренно. СМИ называют не только имя преступницы, но и фамилии жертв. Несколько раз супруга находила родственников убитых и связывалась с ними. Она отыскивала их адреса с помощью Интернета и ехала к ним.

Я поежилась.

— Да уж!

У Григория начало дергаться веко.

— Трудно представить, в каком я оказывался положении, когда мне звонили эти несчастные. Огромное им всем спасибо, но один из них не обидел явно больную женщину, не ударил, не вытолкал вон. Все проявляли понимание, подыгрывали ей, обещали сообщить об «убийце» прокурору и просили показать паспорт. Сонечка давала его. С одной стороны, она сообразительная, а с другой... Жена действует как ребенок, не думает о том, что в удостоверении личности указано ее настоящее имя. Я не знал, как благодарить близких погибших, а те как один твердили: «Мы понимаем, как вам тяже-

ло». Святые люди! Слава богу, обострение бывает два раза в год, не чаще. Осенью-весной я утраиваю бдительность, но Соня очень хитрая. Простите нас.

Мы с Володией заверили Григория, что не держим зла ни на него, ни на Софью, и уехали. С той поры Грушина стала мне часто звонить, почему-то считая меня своей подругой. Несколько раз она приезжала к нам в гости, подружилась с мопсами и Кисой. Сонечка любит детей, а еще она прекрасно вяжет, поэтому у Кисы появились симпатичные свитера, шапочки, варежки. В нормальном состоянии Грушина представляется Софьей, с ней можно нормально общаться, она адекватна, разумно оценивает происходящее. Работает она в библиотеке. Но временами ее вдруг переклинивает, Соня прекращает пить таблетки – и вот уже перед вами преступница, глубоко раскаивающаяся в содеянном, желающая, чтобы ее наказали, а невинно якобы арестованную убийцу выпустили.

Интересно, что в момент, когда начинается очередной приступ болезни, Грушина не путает своего супруга с другими мужчинами, не принимает меня за иную женщину или не узнает кого-либо из своих знакомых. Она не пытается выйти на улицу голой, не наносит себе увечий, не глотает гвозди. Нет, она выглядит совершенно нормальной, делает покупки в магазине, готовит Григорию обед, ходит на службу, но... на имя «Соня» категорически отказывается откликаться.

В библиотеке Грушину любят, поняв, что она вновь вошла

в роль убийцы, переводят ее с абонементов во внутреннее помещение на работу с каталогом. Григорий сам дает бедолаге пилюли, через несколько дней супруга опять становится Сонечкой, и все идет хорошо... до следующего обострения.

А теперь самое интересное. Познакомившись со мной, Софья перестала терзать несчастных родственников жертв и бегать в полицию. С той поры она обращается только ко мне. Вот и сегодня позвонила, назвавшись Дашей Морозовой. Понятия не имею, что совершила настоящая Дарья, но раз именно в нее Соня перевоплотилась, она точно является преступницей.

Кое-как закончив неприятный разговор, я посмотрела на Кису, которая упоенно рассматривала игрушки. Затем набрала номер Грушина и предупредила, что у его жены очередной задвиг.

– Не знаю, что бы делал без тебя... – рассыпался в благодарностях Григорий.

Тут вдруг в зале супермаркета прогремел оглушительный залп. Бабахнуло с такой силой, что у меня заложило уши, я рванулась к Кисе, схватила ее и, не выпуская ребенка, быстро села под прилавок.

Девочка начала вырываться.

– Сиди тихо, – шепнула я, – не шевелись.

– Почему? – любопытствовала малышка.

– В магазине что-то случилось, – пояснила я, – похоже на взрыв. Сейчас оценю обстановку, и мы с тобой осторожно,

ползком, двинемся к двери.

– Неправильно хочешь поступить, – заспорила Киса. – Пол грязный, люди в мокрых ботинках ходят, мы испачкаемся.

– Тише, солнышко, – шикнула я, приподнялась и увидела продавца, перегнувшегося через прилавок.

– Алло, тетя, вам плохо? – спросил он. – Воды дать?

– Нет, с нами полный порядок, – ответила я. – Что взорвалось?

Парень ухмыльнулся.

– Ничего.

– Это я из пистолета стрельнула! – громко заявила Киса, дергая меня за куртку.

– Обалдеть... – только и сумела вымолвить я. – Однако мощное оружие.

Глава 9

– Суперское! – ликовал торговец. – Полная имитация настоящего «Альфа-бета-луча», мощнейшего бронебоя, который способен пробить сейфовую дверь толщиной в полметра.

– Еще он пуляется плазменными шариками, которые убивают крокодавлей, – добавила Киса.

Я потрясла головой.

– Кого?

– Крокодавлей, – повторил продавец. И пояснил: – Они живут на планете Вурку в созвездии Брошка.

Я схватила за прилавок.

– Где?

– Вы что, кино не смотрите? – с презрением спросил юноша. – Неужели фильм «Монстры из Облакомо» не видели? Самая кассовая лента!

Я потеряла уши в надежде, что после сего нехитрого действия пройдет звон в голове.

Торговец выложил на прилавок коробку.

– Сколько зарядов к бронебою будете брать? Упаковку?

– Сто! – заявила Киса.

Я попыталась спорить:

– Лучше купить вон ту куколку. Ее можно купать, причесывать...

Продавец неожиданно пришел мне на помощь:

– Мама права, пистолет тебе быстро надоест. Расстреляешь гранаты, и что дальше делать? Придется новые приобретать. К тому же оружие всего лишь бабахает. А куклу будешь наряжать, для нее платьев полно, их лучшие дизайнеры шьют. Подружки в садике от зависти сдохнут.

– Она такая красивая! – запела я.

– Шикарная! – вел свою партию юноша. – Всего одна на всю Москву. Эксклюзив. Сделана в Нью-Йорке знаменитым художником. Послушай мамочку, она плохого не посоветует.

Киса уставилась на разрекламированную нами принцессу. И в этот момент я увидела ценник, который выглядывал из-под платья, щедро украшенного золотым шитьем и кружевом. На нем стояла цифра двенадцать, а за ней несколько нулей.

– Недешевая ляля! – выпалила я.

– Она коллекционная, – зачастил продавец, – выпускается одна в год. Сейчас за нее хотят сто двадцать тысяч, но через пару лет цена возрастет втрое, впятеро, вдесятеро. В момент инфляции это крайне выгодное вложение денег.

– Сколько? – ужаснулась я.

– Стольник и еще двадцатка! – восторженно выкрикнул торгаш. – Коробка бесплатно.

– И правда красивая... – протянула Киса.

– Немедленно уберите игрушку с прилавка, – прошипела я.

– Почему? – прикинулся дураком консультант. – Пусть девочка рассмотрит эту прелесть как следует.

– Пистолет лучше, – занервничала я. – Киса, завтра принесешь его в садик и убьешь всех инопланетных монстров. Купим к нему кучу гранат.

– Ладно, – согласилась малышка, – кукол дома много. Продавец поскупился.

– Ошибочку совершаете. Через десять лет увидите эту лялю на аукционе за пару миллионов долларов и сгрызете руки до коленок.

– Сколько за оружие? – спросила я, вынимая кошелек.

– Четыреста рублей. И пятьдесят за дополнительные боеприпасы, – разочарованно процедил юноша.

* * *

Вручив Кису Розе Леопольдовне, я все-таки решила пойти в кондитерскую. Путь недалекий, на дворе приятный морозец, заодно подышу свежим воздухом.

Не успела я выйти за калитку, как ко мне с отчаянным лаем кинулся крохотный черный пуделек в красном комбинезоне.

Я присела на корточки.

– Привет, милый!

Собачка замолчала, потом медленно приблизилась ко мне. Я погладила ее по голове.

– Рикки! – воскликнула полная дама, появляясь из-за поворота аллеи. – Ах ты вредина! Удрал! Не пугайтесь, Риккуша не кусается, просто ворчит.

– Я не боюсь собак, – улыбнулась я, – у нас живут два мопса.

Незнакомка прищурилась.

– Вы купили дом Кутузова?

– Да. Как вы догадались? – удивилась я.

– Ну, мы же стоим прямо у его калитки, – засмеялась собеседница. – Вчера, гуляя с Рикки, я видела, как на участок, принадлежавший Андрею Николаевичу, заносят вещи, а потом из машины выскочили два мопса: черный и бежевый.

– Муся и Фира, – кивнула я. – А меня зовут Евлампия.

– Рада знакомству. Марина Бородулина, – представилась дама, – живу в «Кроте» со дня его основания. Заглядывайте ко мне на кофеек, улица Малиновая, дом восемь. И прихватывайте Фиру с Мусей, Рикки обожает играть с собаками, он приветливый. Как устроились?

– Пока на коробках, – вздохнула я, – ничего найти не можем. В основном доме ремонт, мы временно поселились в гостевом коттедже.

На лицо Марины напозла тень.

– В маленьком домике расположились?

– Да, – подтвердила я. – Что-то не так?

– Надеюсь, не в угловой комнате второго этажа спальню устроить решили?

– Там очень уютно, окно большое, – сказала я.

– Да уж, окно там большое... – протянула Бородулина. – Даже слишком. Мы с вами впервые видимся, мои слова могут показаться странными, но... не надо в той комнате спать.

– Маринка, ты где? – заорал высокий голос. – Замерзла тебя ждать!

– Бегу уже! – крикнула Бородулина. – Евлампия, сегодня мы с подругой на четыре дня уезжаем на свадьбу, поэтому приходите ко мне в понедельник. Тогда все и объясню. И, пожалуйста, послушайте моего совета, смените спальню. Вас в угловой комнате замучают кошмары. Уж поверьте, я знаю, о чем говорю, там точно живут привидения.

Помахав мне рукой, Марина, подхватив пуделя, свернула в аллею. Пребывая в недоумении, я миновала шлагбаум у въезда в поселок, добралась до кафе-кондитерской и вошла внутрь.

Зал оказался пуст. Я постояла пару минут у стеклянных витрин, полюбовалась на красивые булочки-пирожные, потом увидела на прилавке звонок и нажала на него.

– Секундочку! – донеслось издалека. – Сейчас появлюсь, ватрушечки из печи вынимаю... Посидите пока, пожалуйста.

Минуты через две из глубины помещения показалась женщина с противнем в руках. Она поставила его на специальную подставку и улыбнулась.

– Творожнички получились супер! Здравствуйте.

– Добрый день, – ответила я. – Где у вас пироги? Не вижу

их что-то.

– Есть яблочные с корицей на слоеном тесте, курага с изюмом на дрожжевом, чернослив с песочным, – быстро перечислила кондитерша. – Вы у нас впервые, вот держите...

Я посмотрела на белую коробочку размером с чайное блюдце, которую продавщица поставила на прилавок.

– Что это?

– Давайте познакомимся, – предложила женщина. – Меня зовут Зинаида Калинина, я владею этой кондитерской. Покупатели всегда спрашивают, каковы наши изделия на вкус. Но ведь каждый любит свое, поэтому я поставила дегустационный сет из мини-тортиков. Каждому новому покупателю один раз коробочка в подарок. Попробуете все и определите, что вам больше всего нравится. Мини-пирожные есть всегда, их можно купить, они удобны для вечеринок и детских праздников.

– Спасибо, – поблагодарила я. – У меня дома любят пироги с ягодами, особенно с черникой.

Зинаида обвела рукой стеклянный прилавок.

– Я не готовлю ничего из полуфабрикатов и никакие замороженные или импортные ингредиенты не использую. Сейчас зима, свежей черники нет. Есть яблочный пай, он сегодня удался, начинка из российской антоновки, она долго хранится без холодильника.

– Вы утром не пекли сдобу с черникой? – уточнила я.

– Нет, – ответила Зинаида. – Если хотите именно такой

пирог, испеку для вас эксклюзивно, но имейте в виду: ягоды в нем будут импортными, очень дорогими и не особо вкусными. Я не советую вам его, но гляньте на фото.

Передо мной очутился каталог, я машинально перевернула несколько листов и обрадовалась:

– Вот, очень похожий!

– «Черничное счастье», – улыбнулась Зина. – Это стандартная форма пирога с ягодами, верх всегда решеткой. Можно выложить полоски теста в виде сердца или инициалов. Но такой лучше летом печь. Вы случайно в кондитерскую завернули или живете рядом?

– Приобрели дом в «Кроте». На Ягодной улице, желтый с красной крышей, в ближайших соседках у нас Горская.

– Чудесная женщина, добрая фея нашего городка, – засмеялась Зинаида. – Зубная фея, как мы ее зовем. Муж Ирины Леонидовны, давно покойный, был прекрасным стоматологом. Я не так давно кондитерскую открыла, и Горская меня очень поддержала. С прежней владелицей у нее отношения не сложились. Она полагала, что Ксения Фролова при производстве выпечки использовала дешевое пальмовое масло, и никогда не ела ее пироги-пирожные. Во мне Ирина Леонидовна не сомневается, частенько забегает, у нее единственная претензия, что я не пеку обожаемые ею пироги с черникой. Зато делаю яблочный пай, он Горской нравится, ее домработница Марфуша постоянно за ним заходит. Наша добрая фея не богата, поэтому я ей иногда подарки делаю. Ис-

пеку пирожные или кекс и загляну к ней, поставлю в прихожей на консоль.

– Сегодня Ирина Леонидовна принесла мне в подарок пирог с черникой, купленный у вас, – пробормотала я.

– Нет, вы ошибаетесь, – возразила Калинина. – Я говорила, что зимой такие не пеку, только в сезон.

– Изделие было упаковано в вашу фирменную коробку и завязано лентой с надписью «Мадам Маффин», – сказала я.

– Удивительно, – поразилась хозяйка. – Хотя... Видите вон там шкаф?

Я кивнула.

– Никогда его не запираю, – пояснила кондитер, – там хранится тара, картонки, фирменные пакеты, тесьма. В принципе любой может взять, что пожелает. Я часто ухожу из торгового зала в помещение с печами. Надо нажать на звонок на прилавке, и я сразу вернусь. А сейчас черничный пирог можно купить в пекарне, в торговом центре на станции. Однако странно, зачем Горской его в мою тару перепаковывать? Ирина Леонидовна редко из поселка выезжает, за покупками у нее Марфа ходит.

Я посмотрела на ватрушки, невольно сглотнула слюну и продолжила:

– У полученного в подарок пирога решетка была в виде переплетенных букв «М». Похоже на ваш фирменный знак «Мадам Маффин».

– Нет у меня никаких знаков, – отрезала Зина. – И теперь

я знаю точно: из пекарни со станции ваше угощенье. Делает его фирма «Маша и Медведи». Хозяева врут, что все у них натуральное, из российских продуктов, а на самом деле они у немцев замороженную дрянь по дешевке скупают, в свои коробки раскладывают и продают. Жулье, не ходите к ним. Значит, в «Крот» перебрались? Представляю, как вы намучились, пока покупку дома оформляли. Как вы устроились? Наверное, устали, заключая договор купли-продажи. Это так утомительно – бегаешь между риелтором и нотариусом, собираешь кучу документов, тащишь в зубах гору денег, закладываешь их в ячейку... Мрак! И когда только сделки с недвижимостью будут цивилизованно проводиться?

– В нашей семье важные вопросы всегда решает муж, я думаю о хозяйстве, – улыбнулась я. И призналась: – Не занималась приобретением жилья.

– От всей души вам завидую, – отозвалась кондитер. – Мой супруг успешный бизнесмен и милейший человек, ни на кого из родных, даже на свою тещу, голоса не повысил. Мама, женщина своенравная, порой прямо-таки нарывалась на скандал, а не получилось Федора до агрессии довести. Но в бытовом плане Федя беспомощен, как новорожденный щенок, не догадается сам холодильник открыть. А если, паче чаяния, сообразит, где припасы хранятся, то не заметит ни супа, ни котлет, схватит батон колбасы и им пообедает.

– Мой муж такой же, – засмеялась я. – Чтобы Макс увидел кастрюльку с борщом, та должна стоять на полке точно на

уровне его глаз, выше или ниже он не посмотрит.

Зинаида расхохоталась.

– А Федору надо, чтобы кастрюля с первым не просто бросалась в глаза, а бегала с истошным воплем: «Суп здесь, здесь!» Я называю мужа своим третьим мопсом в стае. Хотя Альфред с Заком могут лапой открыть шкаф и вытащить пачку печенья, Федя же на такой подвиг не способен.

– У вас мопсы! – обрадовалась я. – Мальчики?

– Альфред и Зак, – повторила хозяйка кондитерской.

Я вынула телефон и открыла фото.

– Знакомьтесь, мои Фира и Муся.

– Ой! Они очаровательны! – восхитилась Зина. – Как приятно встретить владелицу мопсик. Давайте выпьем кофе? Или, учитывая вечерний час, лучше фруктовый чай. Ватрушечки попробуете?

– Сдоба вредна на ночь, – благоразумно заметила я.

Зина окинула меня взглядом.

– Только не для вас! Садитесь за столик.

Глава 10

Мы уютно устроились в углу совершенно пустого зала и начали говорить о собаках.

– Умеете делать печеночные чипсы? – поинтересовалась Зина.

– Впервые о них слышу, – призналась я.

Булочница принялась объяснять.

– Сделать их проще простого. Берем говяжью печеньку, лучше замороженную. До конца не размораживаем, так будет удобнее резать ее на маленькие, с ноготок, кубики. Кладем их на противень в один слой, ставим в сильно разогретую духовку минут на двадцать, потом уменьшаем температуру градусов до 70–80. Периодически перемешиваем. Примерно через час духовку надо выключить, оставить будущие чипсы внутри до остывания. Затем опять включить печь градусов на 70 и ждать столько, сколько потребуется, чтобы чипсы стали почти сухими. Остудить их, переложить в баночку, хранить в холодильнике. Вот и все. Они вкуснее и полезнее покупных лакомств, не содержат никаких красителей-консервантов. Завтра хотела Альфреду и Заку очередную порцию посушить. Заодно сделаю и для вас.

– Спасибо, – обрадовалась я.

Дверь беззвучно открылась, в зале появилась стройная женщина в красном пуловере.

– Привет! – весело воскликнула она. – Так и подумала, что здесь пир горой. А мне кофейку с плюшечками?

– Светусик! На улице холодно, почему ты не в теплой куртке? – укорила посетительницу Зинаида, направляясь к шкафу с посудой.

– В машине катаюсь, – отмахнулась Светлана. – Ммм, ва-трушки! Можно одну? А лучше две. Нет, три! И штук пять с собой.

– Угощайся, – радушно предложила кондитер, ставя перед ней чашку. – Пьем чай «Зимний вечер». Фруктовый с корицей.

– Прямо в тему, – потерла руки Света.

– У Евлампии два мопса, – сообщила ей, заводя светскую беседу, хозяйка.

– Да что вы! – повернувшись ко мне, бурно восхитилась Светлана. – А у меня чхуня Перла. Еще та вредина, каждый день упрашиваю ее поесть.

– Ты неправильно собачку кормишь, – хмыкнула Зина, – девочке сухой корм не нравится, купи ей паштет.

– Ветеринар велел Перле хрустики давать, – уперлась Света.

Калинина повернулась ко мне:

– А собачка не желает их видеть. Перла совсем не вредина, просто с принципами: ест лишь то, что ей по вкусу. Вот от моих печеночных чипсов она никогда не отказывается.

– Твоя правда, – согласилась Светлана, – за обе щеки их

уписывает.

– Завтра притащу тебе и Евлампии по коробочке, – пообещала кондитерша.

– У Перлы будет праздник, – захлопала в ладоши Света.

– Евлампия купила в «Кроте» дом, – доложила ей следующую новость Зина, – стала нашей соседкой.

– Вау! – запрыгала на стуле Света. – Вы въехали в особняк Игнатовой? Ремонт затеете? Не выламывайте мраморные панели в холле. Они смотрятся по-купечески, но Маша их из Италии привезла, бешеные деньги заплатила.

– Нет, мы приобрели особняк на Ягодной, – уточнила я, – участок около Горской.

Калинина отвела глаза, а Светлана взвизгнула.

– Проклятый дом продался!

– Соколова, замолчи, – сквозь зубы процедила Зинаида.

– Ой! – пропищала Света и прикрыла рот рукой. – Не хотела говорить, само выскочило!

У меня по плечам пробежал озноб.

– Проклятый дом? Почему вы его так называли?

– Я пошутила, – принялась глупо оправдываться Светлана, – сболтнула, не подумав. И вовсе не это слово сказала.

– Я очень хорошо расслышала, – возразила я.

– Нет, нет, вам показалось, – занервничала Соколова, – я произнесла... э... покерный дом. Покерный – проклятый, очень похоже. Рот ватрушкой забила, дикция нарушилась.

– Евлампия, – позвала меня Зинаида, – давайте покажу,

как пирожные пекутся!

– И я хочу посмотреть! – обрадовалась Светлана. – Ни разу еще у тебя на кухне не была, прямо обидно. Вот Ксения один раз показала мне, как тесто для рогаликов готовит. Ты же, наверное, все переделала? Кстати, интересно, как у Ксюхи дела? Мне ее жуть как жаль. Сама свою жизнь загубила, сидит теперь за решеткой вместе с ужасными преступниками.

Кондитер схватила со стола чашку и, разом опустошив ее, заявила:

– Света, я закрываюсь. Извини.

Болтуня показала на часы, висевшие на стене:

– Еще рано!

Зина поджала губы.

– Я плохо себя чувствую. И народу нет.

– Не идет сюда покупатель, – пригорюнилась Светлана, – плохой имидж у кондитерской. Я тебя предостерегала: «Не связывайся с кафе и пекарней, у места дурная слава. Лучше в супермаркете точку основать». А ты уперлась. И что получилось? Да ничего хорошего пока.

– Заткнешься ты, наконец, или нет? – не выдержала Зинаида.

– Чего я сказала-то? – растерялась Света. – Никакого секрета нет, всем про Ксюху известно. И ты не виновата в смерти людей. Не ты тогда здесь хозяйничала, на праздник пирожные делала. Верно, Евлампия?

– Понятия не имею, о чем ведете речь, – ответила я. – Но очень хочу узнать, почему купленный нами особняк считается проклятым, и...

– Аура там черная, – не дала мне договорить Соколова, – все жены Кутузова не своей смертью в нем поумирали. Вот жуть! Ужас крошечный! Ой, вы не знали?

– Нет, – мрачно ответила я.

Булочница, явно испытывавшая желание запихнуть в рот Светлане полотняную салфетку, сдвинула брови.

– Надо ей правду рассказать, – неслась дальше Света. – Евлампия все равно узнает, Маринка доложит. Едва Рыба услышит, что в проклятый дом люди въехали, сразу к новой хозяйке прибежит и наврет с три короба.

Зинаида пододвинула ко мне блюдо с ватрушками.

– Евлампия...

– Меня можно звать просто Лампа, – улыбнулась я.

Светлана расхохоталась.

– Как прикольно!

Кондитер сложила руки на груди.

– Лампа, вы уже поняли, что у Светы язык на привязи не держится? Мы с ней с юности знакомы, она всегда такой была – ляпнет не подумав, потом угрызается, бежит ко мне с вопросом: «Зачем я глупость сболтнула?» У меня один ответ на это: «Потому что ты сначала говоришь, а потом думаешь». Доверять ей тайны не советую, о ваших секретах сразу вся округа узнает. Но Светка никогда не врёт, говорит как

есть. Если у вас в доме упал потолок, она так и скажет, ничего не прибавит, интересных деталей не выдумает. И расстреплет о вашей неприятности исключительно по глупости, зла Соколова никому не желает, она добрая и безобидная, как новорожденный котенок. Конечно, человеку, чью тайну все узнали, от этого не легче, и на Свету многие обижены, друзей у нее мало. А вот Рыба, то есть Марина Бородулина, другая. Кличку она получила за свою привычку повторять: «Я чужие секреты хранить умею, молчу, как рыба». Маринка, в отличие от Светика, хорошо поразмыслит, прежде чем что-то сказать. Если у вас с Бородулиной сложатся близкие отношения, то Рыба, выяснив о вас жареное, будет молчать. Но едва между вами пробежит черная кошка, пиши пропало, она немедленно пустит сплетню. И сделает это филигранно, так перемешает истину с выдумкой, так коктейль преподнесет, что большинство народа ей поверит. Сама Марина направо-налево голосить о других не станет, она чужими руками горячую картошку из костра таскать любит. И подчас использует в своих целях Соколову. А Света, хоть и знакома с Рыбой много лет, всегда на ее удочку попадает. Сколько раз я ей внушала: «Расскажет тебе Марина по секрету нечто захватывающе интересное, не беги к другим, не передавай инфу, сначала мне ее изложи».

– Я так и делаю, – начала оправдываться Светлана.

– Да ну? – прищурилась Зинаида. – А кто распустил слух, что у Корольковых родилась двойня и один ребенок умер?

Ты! Все потом именно на тебя ссылались. Извини, Света, но твоя Перла умнее хозяйки. Помнишь, как она на Маринку накинулась и попыталась ее за ногу укусить? Бери с чихуахуа пример: явится к тебе Бородулина – гони ее вон.

– Это случайно вышло, – захныкала Света. – Я с Рыбой поговорила, от души Люсе Корольковой посочувствовала и к тебе понеслась с рассказом. А по дороге столкнулась с Лесей Забелиной. Она спросила: «Светочка, отчего у тебя лицо такое странное?» Сама не знаю, зачем ей то, что от Маринки услышала, озвучила. Загипнотизировала меня Леська.

Кондитер налила в мою чашку чаю.

– Понимаете, Лампа? Рыба Соколову распрекрасно знает, вот и использует ее. Марина к любому человеку ключик подберет, она знатный манипулятор. И к вам попытается в душу влезть.

Калинина взяла свою чашку и начала пить.

– Уже пообщалась с Бородулиной, – вздохнула я. – Шла к вам и столкнулась с Мариной. Она меня к себе в гости зазывала, обещала рассказать, почему не надо в угловой комнате гостевого дома спальню устраивать. Про каких-то призраков упоминала.

Зинаида отставила пустую чашку.

– Лучше с Рыбой не контактировать. Здравсти – до свидания, и конец. Она к вам в гости ходить будет, в лучшие подруги набьется, и получите дерьмо полным ведром. Коренных «кровцовцев», тех, кто в поселке со дня основания живет, оста-

лось мало: Света, Марина, Ирина Леонидовна, я, ну и еще несколько человек. Горская сюда с мужем приехала. Тот стоматологом был, зубы всему начальству «НИИГосстройгород-тоннеля» лечил, потому и получил участок в барской зоне.

– Барская зона? – переспросила я. – Что это такое?

Глава 11

Зина показала на блюдо:

– Ешьте ватрушки, вкуснее ни у кого не найдете... Если посмотрите на план поселка, вам станет ясно: он поделен главной, самой широкой улицей на две неравные части. В левой участки получило руководство треста и землю под строительство дач себе выделило не скупясь, у каждого оказалось по гектару. К тому же территория, где поселились высшие чины, лесная. Кооператив «Крот» был основан в советское время, и чтобы боссов не обвинили, что они присвоили огромную площадь, а рабочему люду показали фигу, директор предприятия «НИИГосстройгоротоннель» выделил участки и простому народу.

– Не совсем уж простому, – поправила Светлана.

– Твоя правда, – согласилась Зинаида. – Будущих владельцев фазенд отбирали тщательно. Мой отец служил мастером в цеху сборки. Папа не пил, не курил, матом не ругался, любил маму, обожал меня, считался передовиком производства, его портрет постоянно висел на Доске почета. Разумеется, отец был членом КПСС, считался, как тогда писали в характеристиках, политически грамотным, морально устойчивым. Его посчитали достойным соседом начальства, и нашей семье выделили землю в той части «Крота», которую прозвали «крестьянской». Дали ему двадцать соток, и

на фоне шести, которые получали тогда москвичи, это казалось огромным владением.

Калинина бросила взгляд на подругу и продолжила:

– Светкины родители оба работали в цеху, отец на конвейере, мать на покраске готовых форм. Семья Соколовых была, как и моя, со всех сторон положительная. Им тоже нарезали два десятка соток. Денег особых у наших родителей не было, они возвели маленькие домики. В «крестьянской» части «Крота» лес не рос, там было поле и громадный овраг, превращенный жителями деревни Мишкино в помойку. «Крестьяне» долго вывозили мусор, засыпали канаву, сажали деревья. У «бар» таких проблем не возникало, им, как я уже говорила, достались ели-сосны, и они выстроили кирпичные двухэтажные особняки, куда провели воду и газ, коммуникации протянули через Мишкино. Когда рабочие начали роптать и спрашивать, почему же к ним не проложили трубы, Василий Петрович Бородулин, председатель дачного кооператива, отец Маринки, спел им песню про технические трудности, не позволяющие «крестьянам» пользоваться благами цивилизации. Устроить открытый бунт работяги побоялись, им пришлось носить воду ведрами и покупать газ в баллонах. Папаша Рыбы был партторгом завода, по советским временам это даже круче, чем директор. Маринка вела себя как принцесса, дружила исключительно с ребятами из семей руководства треста, мимо остальных проходила, гордо вскинув голову. Помню, когда нам в первый год проживания в посел-

ке устроили в местном клубе новогоднюю елку, Марина вырядилась во все лучшее, нацепила на себя мамшины драгоценности, вошла в зал, оглядела присутствующих и громко сказала: «Папа, я думала, здесь только свои будут. Зачем нам дети из оврага?» Мы были школьниками, но отреагировали не по-детски, большинство ребят, услышав ее слова, собралось покинуть зал. А Степан Локтев посмотрел на обескураженного Василия Петровича и заявил: «В нашей стране все равны. Я завтра пойду в ЦК ВЛКСМ и расскажу, как дочь парторга высказалась о детях пролетариев». Степа был комсоргом школы, этакий Павел Корчагин, он знал, что и кому сказать. Бородулин, поняв, что хамство дочери может дорого ему стоить, стал умолять всех остаться, а затем увел Маринку домой. На следующий день Рыба в сопровождении отца обошла дома «крестьян» и перед всеми извинилась. Но дружбы между нами не возникло, Марина по-прежнему считала ниже своего достоинства общаться с плебсом.

– Магазин в поселке был всегда, – подхватила нить рассказа Светлана. – Но если хорошие продукты завозили, очереди там змеилась – жуть! Один раз стоим мы с Зиной за майонезом – перед Первомаем дело было, в салаты заправка нужна. Два часа куковали, почти до прилавка дошли, и тут продавщица кричит: «Осталось десять банок, даю по одной в руки!» Мы третьими оказались, обрадовались – нам точно хватит. Вдруг появляется Марина, обходит всех и велит продавщице: «Папа меня за майонезом прислал, надо пятна-

дцать банок». – «Десять всего осталось», – пролепетала торговка. «Плохо, рассердится на вас отец. Ладно, давай сколько есть», – скомандовала Рыба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.